

№9

Сентябрь 2018

ТРУСКИЙ КЛУБ

БОЛЬШАЯ ВЫСТАВКА

Стр. 46

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Банк ВТБ (ПАО), Генеральная лицензия Банка России № 1000. Реклама.

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rsmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

№9
(155)
Сентябрь 2018

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ЧЕЛОВЕК, ЗНАВШИЙ «ЧТО ДЕЛАТЬ?»
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 12 ГРУЗИЯ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
ЛЕВАН ДОЛИДЗЕ
- 20 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 26 ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР ЕЛЕНА ХЕЧИНОВА
АЛЕКСАНДР КАЛАНТАРОВ
- 30 ПЕРМСКИЙ ТЕАТР «У МОСТА» В ТБИЛИСИ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 33 СЕРГЕЙ ГАРМАШ: «Я ВАШ!»
НИНА ШАДУРИ
- 38 В «БЕЛОМ САДУ» ОЛЬГИ ЧИКИНОЙ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 42 ПЕСЕННЫЙ ЗВОН
ИРИНА КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ
- 43 ДЕРЕВЯННЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК
АНАСТАСИЯ ЭРИСТАВИ
- 46 БОЛЬШАЯ ВЫСТАВКА
РЕЗО АДАМИА
- 50 ОСОБЕННАЯ РАБОТА
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
- 51 МИНИАТЮРЫ
ДМИТРИЙ ДЕВДАРИАНИ

На обложке – В Кахети созрел виноград
Фото Александра Сватикова

ОТ ДО

— Роб АВАДЯЕВ

«НЕМНОГО ИГРАЮ НА ГИТАРЕ»

Как известно, знаменитый американский композитор Джордж Гершвин — автор оперы «Порги и Бесс» и популярной арии «Summertime» практически не получил никакого музыкального образования. Он родился 120 лет назад, 26 сентября 1898 года в Нью-Йорке, в семье еврейских эмигрантов из Санкт-Петербурга. Только в 12 лет Джордж начал самостоятельную брэнчать на раздолбанном соседском пианино, когда те, уехав на лето за город, оставили его родителям ключи от своей квартиры. Толчком к новому увлечению стало посещение всей семьей концерта юного вундеркинда 10-летнего скрипача Макса Розена. Джорджу понравилось нажимать на клавиши, и он даже попробовал сочинять первые неприятельные мелодии. В итоге мальчик самостоятельно научился играть на фортепиано и стал профессионально заниматься музыкой, работая аккомпаниатором в музыкальном издательстве и подрабатывая пианистом в ресторанах. Параллельно

Гершвин сочиняет небольшие пьесы и песенки в стиле популярных бродвейских мюзиклов. В 18 лет у него появилась первая авторская публикация «When You Want 'Em, You Can't Get 'Em», которая не сделала его знаменитым, но привлекла внимание музыкальных продюсеров. Его песенки стали включать в свой репертуар популярные певцы. Знаменитым юное дарование сделала песенка «Swanee». А потом включился самый настоящий сочинительский конвейер — по несколько десятков произведений в год, музыкальных номеров для мюзиклов, опер и до знаменитой «Рапсодии в стиле блюз». Но своей музыкальной неотесанности Гершвин всю жизнь стеснялся. В Париже он попросил Равеля дать ему пару уроков композиции, робко пробормотав, что хорошо заплатит. Великий композитор улыбнулся и отказал, с доброй ехидцей осведомившись, а сколько ему, Равелю, стоила бы пара уроков Гершвина. «А кстати, — спросил Равель — на каком инструменте играете вы, маэстро?» «Немного на гитаре», — в тон ему ответил Джордж, и оба весело расхохотались.

ДУРНОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

Весь Тифлис от шумных базаров и духанов до роскошных дворцов аристократов возбужденно гудел — блестящий российский дипломат со статусом личного посланника самого государя императора женится на прекрасной грузинской княжне. Александр Грибоедов и Нино Чавчавадзе. Он — по собственным словам, почти старик и друг ее отца, она — пятнадцатилетняя красавица. Он, в прошлом прекрасный пианист, еще недавно давал ей уроки на фортепиано, а она, по девичьи влюбленная в интересного, приехавшего из самого Петербурга, но такого взрослого друга семьи, по нему безуспешно вздыхала. И вот их счастье стало так близко, и мечты почти свершились. Теплым августовским днем 1828 года в храме Сиони состоялось венчание великого русского поэта со своей юной избранницей. Грибоедов торопился — его ждала тяжелая и небезопасная миссия в

Персию. К тому же он был болен лихорадкой. Во время венчания у него так тряслись руки, что выпало обручальное кольцо, которое собирался надеть на палец Нино. Кольцо упало и покатилося по каменному полу. «Дурное предзнаменование», — негромко по-французски сказал то ли сам Грибоедов, то ли его тесть Александр Чавчавадзе. Через несколько месяцев толпа разъяренных фанатиков, ворвавшись в здание российского посольства в Тегеране, буквально растерзала автора бессмертной комедии «Горе от ума». Опознать тело удалось только по криво сросшемуся пальцу левой руки — следу от лихой дуэли Грибоедова с декабристом Якубовичем у Татарской могилы в Тифлисе. А несчастная юная вдова так и не вышла больше замуж, оплакивая всю жизнь свою первую и единственную любовь.

ГОСУДАРСТВО — ЭТО ОНИ

Великому французскому королю Людовику XIV приписывают горделивую фразу, которую он якобы произнес: «Государство — это я!» Так ли это, или просто одна из легенд, окружающая его имя, неважно. Важно, что это правда. Этот сын короля мушкетерских времен и внук великого Доброго короля Анри IV был в XVII веке для Франции всем. Вступив на престол пятилетним малышом, Луи, родившийся 5 сентября 1638, конечно же, не правил. Вместо него принимали решения его мама — Анна Австрийская, которая «алмазные подвески», и ее возлюбленный — кардинал Мазарини, кстати, не враг Д'Артаньяна, а, напротив, друг и покровитель. Насмотревшись в детстве на Фронду — праздник непослушания французской аристократии и капризных горожан, он навсегда остал-

ся убежденным сторонником принципа абсолютной монархии и божественного права королей. Как только умер победивший Фронду кардинал — друг матери и его крестный, Луи взял власть в свои крепкие руки. Да так крепко, что вздорное, непостоянное, горделивое и вспыльчивое население Франции это сразу почувствовало. Он объединил Францию и заставил всю Европу с ней считаться, собрал в кулак военную силу, усмирил аристократию, поднял престиж «третьего сословия», откуда получил поддержку, деньги, откуда черпал кадры для государственного управления. При нем поднялся интеллектуальный престиж страны, развивалась культура, производство, строительство. Города Франции потеряли свои крепостные стены. «Нужно защищать не города, а границы страны», — так говорил молодой король. А для себя он построил великолепный дворец и парковый комплекс, блестящий Версаль — предмет зависти всех европейских монархов. К тому же он был, как сегодня написали бы в СМИ, прекрасным специалистом по самопиару. Его мода, покрои его костюмов и фасон его обуви, его бесчисленные любовные похождения и красота его избранниц очень занимали и развлекали его подданных в век, когда еще не было телевидения и интернета. Яркий был человек!

А за сто пять лет до рождения Луи, неподалеку, буквально через пролив Па-де-Кале, в Англии правила еще одна великая монархиня — Елизавета I. И она, родившаяся 7 сентября 1533 года, тоже могла бы о себе сказать, что «государство — это она». Она была дочерью неспокойного, любвеобильного и жестокого Генриха VIII, который из шести своих жен казнил двух, а заодно еще перевешал, как бродяг и разбойников, 72 тысячи им же обезземеленных крестьян. Добрая королева Бесс, как ее называли в народе, сумела остановить раскачивание лодки родной Англии. Ее правление называли «Золотым веком». Ведь расцвет культуры, наук, дипломатии, военного дела пришелся именно на ее царствование. Жестокой, сказать честно, она была такой же, как и ее папаша — и бродяг вешали, и охранка под руководством коварного Уолсингема лютовала, и фавориты головы лишались, и кузину Марию Стюарт по приказу Елизаветы казнили. Но зато в ее время начались английские мореплавания через океан — точнее, скажем прямо, пиратские набеги. Ее флот победил испанскую Великую армаду. Наконец, в ее время творил Шекспир. И с самопиаром у нее тоже было все в порядке. Правда, эти два ярких исторических персонажа сами же посеяли семена великих потрясений в своих странах — английскую буржуазную революцию Оливера Кромвеля и Великую французскую революцию с ее дантонами, маратами, робеспьерами и гильотинами.

ЮБИЛЕЙ ВЕЛИКОГО РАССКАЗЧИКА

В сентябрьские дни этого года мы будем отмечать юбилей яркого представителя городской тбилисской интеллигенции, который внес свой вклад не только в культуру родного города, но и стал заметным явлением в российской культуре. Известному писателю, литературоведу, телеведущему и блестящему интеллектуалу Ираклию Луарсабовичу Андроникашвили (Андроникову) 15 сентября исполняется 110 лет со дня рождения. И хотя он родился в Санкт-Петербурге, где и окончил университет и где начиналась его научная, литературная и трудовая деятель-

ность, Ираклий Андроников неотделим от своего главного города — Тбилиси, где жили его предки и где по сию пору живет его многочисленная родня. По отцу он происходит из дворянской ветви грузинского рода Андроникашвили. Подобно своему брату Элевтеру, который стал физиком-теоретиком, Ираклий избрал научную стезю — стал литературоведом, написал несколько научных трудов о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова и, защитив диссертацию, был признан выдающимся лермонтоведом. Окончив историко-филологический факультет Ленинградского университета, Андроников стал сотрудником юмористических журналов «Чиж» и «Еж», где чуть не попал в серьезный переплет: в 1931 году его пытались привлечь по делу об обэриутах — группы его друзей-поэтов. Он даже был арестован, но потом отпущен в связи с «недоказанностью». Сам он говорил, что «пронесло». В дальнейшем Андроников работал библиографом в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Но уже, начиная с 1936 года, стал выступать на эстраде с рассказами-портретами известных людей — А.Н. Толстого, В. Качалова, С.Я. Маршака и многих других. У него оказался редкий дар гениального рассказчика. Еще в студенческие годы он подрабатывал лектором филармонии и был замечен И. Соллертинским, руководителем лекторского отдела, как яркий и остроумный ведущий. Ираклий Андроников выступал на эстраде всю свою жизнь, пока позволяло здоровье, кроме военных лет, когда был фронтовым журналистом. А с 50-го года он попал на телевидение, где были записаны циклы передач «Ираклий Андроников рассказывает». Некоторые эти выпуски до сих пор нетрудно найти в интернете — не откажите себе в удовольствии, найдите и посмотрите. Это гениально! В 90-е годы многие из этих его рассказов были опубликованы отдельными изданиями.

Нико Николадзе

ЧЕЛОВЕК, ЗНАВШИЙ «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКО НИКОЛАДЗЕ

■ Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ

Банальная триада – родить дитя, построить дом, посадить дерево – способна обеспечить память о человеке, но никак не соответствует размаху личности нашего героя. Все в его жизни было через край: высадил не дерево, а экзотический парк с эндемиками со всего мира, построил не только дом, но и отстроил целый город. Что касается его потомства, то каждый представитель его семьи удостоен справки в энциклопедических словарях, если собрать всю родню воедино, то получился бы своеобразный справочник деятелей науки, культуры, просвещения во главе с основателем клана Нико Николадзе.

Его жизнь вместила множество событий, далеких от упорядоченного режима кабинетного ученого. Один нашумевший поединок чего стоит! История умалчивает, кто первым бросил перчатку. Но точно известно, что попытки примирить противников не увенчались успехом. И вот они съехались с секундантами в укромном лесу. Дуэльные пистолеты вынуты из футляров. Еще минута и после команды сходятся они сделают роковые шаги навстречу друг другу – не брестеры, не лихие гусары, а два столпа грузинского общества – Илья Чавчавадзе и Нико Николадзе.

Дуэль между общественны-

ми деятелями, писателями, публицистами, да что и говорить – властителями умов – факт из ряда вон выходящий. Начался конфликт с того, что Илья Чавчавадзе на страницах своей газеты «Дрозба» подверг критике общественные взгляды Николадзе, тот запальчиво ответил со страниц своего издания «Обзор». Два гиганта горячо отстаивают свои позиции, и в определенный момент лексика выходит за рамки корректности. Оба дают волю эмоциям. В ссоре проявляется человеческая природа наших великих соотечественников, освобождая их образы от неизбежного налета хрестоматийной непогрешимости. Но вернемся к финалу дуэли позже. А пока попытаемся разобраться в характере и деятельности одного из дуэлянтов – Нико Николадзе.

Наш герой появился на свет в 1843 году в многодетной семье состоятельного дворянина Якоба Николадзе и супруги его

Илья Чавчавадзе

Елизаветы Лордкипанидзе. Семья жила в деревне Сканде, недалеко от Кутаиси довольно на широкую ногу, благодаря тому, что батони Якоб не чурался, как большинство представителей благородного сословия, вести дела и заниматься торговлей. Детство Нико Николадзе

прошло безоблачно, он был окружен внимательной заботой родных, с детства приобщен к чтению, в положенный срок поступил в Кутаисскую гимназию. После получения аттестата начал публиковать свои заметки в журнале «Цискари». Первый опыт журналистики принес ему популярность в кругу знакомых. Юноше прочили большое будущее и торжественно проводили на учебу в Санкт-Петербург. В 1861 году Нико стал студентом юридического факультета Петербургского университета. Он с головой окупился в деятельность Грузинского землячества и стал активистом студенческого движения. Не прошло и месяца, как новоиспеченного студента арестовали за участие в антиправительственных выступлениях. После нескольких дней заключения в Петропавловской крепости юный бунтовщик был выпущен на поруки, но из университета исключен. Боясь укоров родителей и осуждения знакомых, Нико категорически отказался возвращаться в Кутаиси. Бедолагу на какое-то время приютил у себя Акакий Церетели и благодаря именитому старшему другу Николадзе расширил круг своих знакомств в Петербурге. Как-то перед рождественскими праздниками к Церетели с визитом заглянули две дамы, одна из которых попросила одолжить черкеску для маскарада. Чоха Нико пришлось ей в пору, прощаясь, дама распорядилась, чтобы юноша сам заехал за костюмом, пообещав представить гостя супругу. Так из-за каприза Ольги Сократовны, смуглой красавицы с сверкающими агатовыми глазами, Нико Николадзе стал вхож в дом Николая Гавриловича Чернышевского. Супруга писателя так представила мужу нового гостя: «С этим юношей вы должны быть особенно любезным, он единственный кавказец, который не флиртует со мной!». Визиты в дом Чернышевского прервались полгода спустя, после ареста писателя в июне 1862 года его семья перебралась в Саратов. Однако

непродолжительное общение со знаменитым мыслителем оказало на Николадзе большое влияние. Спустя несколько лет Николадзе написал предисловия к роману «Что делать?» и к первому тому собрания сочинений Чернышевского и издал их в Женеве, через двадцать лет принял активное участие в кампании освобождения революционера-демократа из Виллойской ссылки.

Нико Николадзе быстро вписался в ритм столичной жизни. Вес в обществе ему прибавили рассказы «В Петербургском крае» и «Провинциальные картинки», опубликованные в некресовском «Современнике» и в сатирическом журнале демократического толка «Искра». Одобрение радикалов заслуживают критические и публицистические статьи Николадзе в грузинских изданиях, в том числе и в «Тифлисском Вестнике». Так что в Петербурге молодой человек даром времени не тратит. И вот, наконец, документы его выправлены, получено разрешение на выезд, и он устремляется в Париж, где в 1864 году поступает в Сорбонну. Во Франции он продолжает заниматься публицистикой, причем пишет статьи на трех языках – грузинском, русском и французском. Его работы привлекают внимание Герцена. Статьи Николадзе «Освобождение крестьян в Грузии», «Наши будущие адвокаты», «Июльские дни в Тбилиси», напечатанные в «Колоколе», делают имя молодому автору. Но всего через год Николадзе по идеологическим соображениям прекращает сотрудничать с Герценом и Огаревым, и переезжает в Швейцарию, там он издает свой первый труд на французском языке – «Правительство и новое поколение». Совместно с Мечниковым основывает в 1868 году журнал «Современность», на страницах которого были напечатаны его программные статьи: «Два поколения», «Русская эмиграция», «Европейская жизнь» и другие произведения, посвященные пу-

Акакий Церетели

тям политического и социально-экономического переустройства общества. Параллельно с публицистической деятельностью Нико Николадзе посещает лекции Цюрихского университета, и в 1868-ом получает диплом магистра, защитив диссертацию на тему «Разоружение и его экономические и социальные итоги». В Цюрихе через Поля Лафарга, политика, экономиста и зятя Карла Маркса наш герой познакомился и несколько раз встретился с автором труда «Капитал. Критика политической экономики». Карл Маркс предложил Николадзе стать представителем Первого Интернационала в Закавказье. Нико отклонил это предложение, поскольку на тот момент его взгляды были ближе к русским революционным демократам Чернышевскому и Добролюбову.

После десятилетия упорных трудов, получив солидный багаж знаний, приобретя имя талантливого публициста, Николадзе возвращается в Грузию. Он имеет прочную репутацию и собственное мнение о формах и методах социально-экономического преобразования общества.

Прежде чем осесть на родине, Николадзе несколько раз выезжает в Европу. Одна из его поездок в Швейцарию стала самым романтическим воспоминанием всей его жизни. Несколько очаровательных девушек из его близкого окружения – две сестры, кузины и их подружки – загорелись желанием получить образование в Швейцарии. Барышням пришлось проявить характер, незаурядную настойчивость, убеждая родителей отпустить их из-под своей опеки, кто-то из девушек отказался от жениха, кто-то выехал по документам старшей сестры. Словом, прощание с детством было для будущих студенок настоящим приключением. И вот трудности позади, и на корабле, плывущем в Константинополь, Николадзе оказывается окруженным настоящим цветником. Он с радостью опекает сестричек и их подружек, показывает девушкам достопримечательности Константинополя, Греции, Италии. И сам того не желая, со всей страстью своей души влюбляется сразу в двух своих очаровательных попутчиц. Нико никак не мог определить, кто из девушек ему нравится больше: Олико Гурамишвили или Ботя (Богумила) Земянская из семьи ссыльных поляков.

Уже в Швейцарии он сделал выбор в пользу Олико, но получил отказ. Возможно, девушка просто проверяла его чувства, возможно, Нико не проявил настойчивости, услышав, что Олико приехала получать образование, а не заводить семью. В те годы Николадзе слыл большим дамским угодником. Сохранились его записи, в которых Николадзе шуточно пишет: «Корсет на теле кокетливой женщины необычайно приятная штука, он облегчает мужчине обнять рукой ее талию, а длительное развязывание его шнурков – это такое наслаждение, подобное которому Бог сотворил мало для несчастного человечества...». А вот письма его к

Олико написаны абсолютно в другой тональности, они полны дружеского участия, нежности и взаимного понимания. В эпистолярном архиве Николадзе хранится более семи тысяч писем к Олико, которые он регулярно писал даже после того, как в 1875 обвенчался с Ботей в Париже.

Пока прекрасная Ботя наслаждалась семейной жизнью, Ольга Гурамишвили в Швейцарии с головой окунулась в изучение наук и общественную деятельность. Она стала любимой ученицей работавшего в те годы в Женеве выдающегося немецкого естествоиспытателя, палеонтолога и философа Карла Фохта, автора трудов «Физиологические письма» и «Зоологические письма». Кроме того, Олико была активисткой кружка грузинских студентов, обучающихся в Швейцарии. Задачей общества «Угели» («Упряжка») было изучение европейского социального движения с целью дальнейшей популяризации идей социализма, интернационализма, национального равноправия, эмансипации женщин в Грузии и на Кавказе. Идейными руководителями «Угели» были Нико Николадзе, Георгий Церетели и Сергей Месхи. Олико общалась с французскими коммунарами, с русскими революционерами-народниками и другими передовыми представителями радикальных течений. На народника Николая Морозова представительницы грузинского кружка произвели большое впечатление, в своем произведении «Повесть моей жизни» Морозов назвал сестру Николадзе – Екатерину и ее подружек – Мариам Церетели и Ольгу Гурамишвили «очаровательным трио» и очень тепло отзывался о студентках.

Связь Нико Николадзе с Грузией никогда не прерывалась надолго. В 1877 году он печатает статьи в «Тифлисском Вестнике» и «Голосе» о русско-турецкой войне, о борьбе за освобождение балканских

Николай Чернышевский

народов от османского владычества. В 1878 году открывает в Тифлисе солидную ежедневную газету «Обзор», на страницах которой со свойственным ему общественным темпераментом публикует разоблачительные статьи против имперской реакции и отстаивает свободу слова. Газета просуществовала два года, после чего была закрыта, а редактор выслан в Ставрополь. Но Николадзе продолжает печататься. Он сотрудничает с журналом «Отечественные Записки», авторами которого являются Г. Успенский, Д. Писарев, А. Островский.

С середины 70-ых годов XIX века Николадзе неоднократно избирается гласным, то есть имеющим право решительного голоса депутатом, нескольких городских дум на Кавказе. По его инициативе в 1875 и 1876 годах Тифлисское городское общественное управление первым в Российской империи осуществило многомиллионное сооружение водопровода не концессионным, а хозяйственным способом. В 1880-х и 1890-х годах Нико Николадзе занимается преимущественно железнодорожными и нефтяными предприятиями.

Общественному деятелю

удается в 1880 году основать очередную газету – на этот раз трибуной для изложения его программных взглядов стала газета «Обзор». И тут разразилась драматическая полемика с самим Ильей Чавчавадзе, закончившаяся дуэлью.

В начале статьи мы оставили двух великих людей в момент кульминации – они стоят у барьера, желая кровью смыть оскорбление. В своих мемуарах один из секундентов напишет: «Оба страшно упрямы, в гневе моментально хватаются за оружие, чтобы усмирить бушующее самолюбие». Между тем все втянутые в эту дуэль прекрасно понимают, что не имеют права разрешить строптивцам рискнуть собой. «Разве Нико не доказывал неоднократно, что ни одно дело не увенчается успешно, если во главе его не встанет Илья. Это он убеждал Илью возглавить Дворянский банк и так радовался, когда, наконец, уговорил его. Разве не Илья негодовал, когда Нико бросил журналистику. Упрекал его и не успокоился до тех пор, пока не вернул его в ряды писателей», — написал в своих воспоминаниях секундент Николадзе Николай Симборский. Именно этот благородный поляк предотвратил трагический исход ссоры, прибегнув к последнему и, как оказалось, очень эффективному средству. Неожиданно Симборский рухнул на землю и с рыданиями закричал: «Если смерть неизбежна, убейте меня!». Истерика была не игрой, а воплем отчаяния. Это поняли все. Симборского кинулись поднимать, и вот, поддерживая с двух сторон, его утешают Илья и Нико, а секундент, как ребенок всхлипывая, произносит слова извинений. Без промедлений был подписан протокол примирения, и два великих человека разошлись миром, сумев остаться до конца жизни друзьями.

Пройдет совсем немного времени, и Нико Николадзе станет одним из главных «ньюсмейкеров» на страницах газеты

Ильи Чавчавадзе «Иверия». Писать было о чем! Став в 1894 году градоначальником Поти и прослужив на этом посту без малого двенадцать лет, Нико Николадзе запустил, как писали газеты, «новый пульс портового города». По инициативе Николадзе за короткий срок захолустный город преобразился до неузнаваемости. Приведем цитату из газеты «Клдэ» с описанием потийских новшеств: «...В эти дни выпал случай еще раз повидать этот когда-то жалкий Поти. Боже мой! Что увидели мои глаза! Неужели это действительность, а не сон!.. За эти двадцать лет он превратился в прекрасный город: осушенные болота, просторные, прямые мощные улицы. Николадзе возродил в гнилых болотах Поти и превратил в порт с океанскими кораблями». Еще одна цитата: «...постоянно страдающему от наводнения Поти требовалась защита, поэтому вокруг всего города была сооружена дамба; восстановлен Потийский порт, что принесло большую выгоду Грузии; приблизилась Европа, резко увеличился товарооборот; построены три моста: два из них соединяют город с Большим островом, а третий с кормилицей Поти – Гурией; построена электростанция, благодаря которой освещаются город и порт; проведена телефонная линия; построены новые двухэтажные кирпичные здания для гражданского и ремесленного училищ, женской и мужской гимназий; на новом месте построен крытый рынок; возведена насосная станция питьевой воды; восстановлена башня старой крепости и построен большой собор в византийском стиле; проложены линии «конки»; вымощены улицы...».

Бесспорно, годы возрождения Поти стали звездным часом деловой карьеры Нико Николадзе. Известный с античных времен Фазис, перевалочный порт работорговцев во времена власти османов, Поти за очень короткий срок превратился в

европейский город с развитой инфраструктурой и транспортной сетью, стал промышленным и культурным центром региона. Карьера нашего героя поднималась по восходящей. Первый брак его разочаровал, влюбленность к Боте скоро прошла, а неизбежные жизненные испытания и ранняя смерть первых двух детей, все больше и больше отдаляли супругов друг от друга.

После развода Нико сделал повторное предложение Олико Гурамишвили. И на этот раз получил согласие. Их венчание состоялось в Квашетской церкви в 1883 году, всего спустя полгода после расторжения первого брака. Около трех лет молодая чета провела в Санкт-Петербурге. Он, наконец, обрел семейную идиллию. На берегах Невы Ольга основала салон, в котором частыми гостями были Михай Зичи, Гуго Габашвили, Давид Гурамишвили (брат Олико); Глеб Успенский, Константин Станюкович; ученые Иван Тархнишвили, Николай

Ольга Гурамишвили и Нико Николадзе

Дом-музей Николадзе в Диди Джихаиши

Римский-Корсаков; композитор Валентина Семеновна Серова (Бергман) – мать знаменитого художника Валентина Серова.

Прекрасно образованная и одаренная педагогическим талантом Олико не прекращала работать. Она позволяла себе спорить с супругом по многим вопросам, очень часто их мнения не совпадали, но в одном они оказались солидарны – их дети должны расти вдали от столичной суеты, на природе. Распродав имущество в Петербурге, семья Николадзе в 1886-м вернулась на родину, облюбовав для будущего дома деревню Диди Джихаиши, в живописном ущелье Риони – откуда была родом мать Нико.

Новый дом с различными хозяйственными пристройками и винным погребом построили довольно быстро. Но неугомонный хозяин несколько раз велел перестраивать владения, так что окончательный вид усадьба приобрела только в 1910 году. Дом, построенный по проекту шведского архитектора Генриха Фрика, сохранился в целостности до наших дней. Вокруг него Николадзе заложил роскошный парк, с растениями и деревьями, произрастающими в разных уголках мира и Грузии.

Каждый представитель се-

мьи Николадзе вписал яркую страницу в историю науки и культуры Грузии. Супруга Гурамишвили-Николадзе многое сделала для развития образования в Грузии. Старшая дочь Русудан вышла замуж за известного историка, связавшего свою жизнь с Грузией, Николая Полиевктова. Сын Георгий Николадзе прославился как ученый, изобретатель и выдающийся спортсмен. Младшая Тамар – стала известным педагогом, достигла успехов на ниве биологии, вышла замуж за академика Нико Мухелишвили. Умерла Тамар в расцвете творческих сил, в 1939 году. Внебрачная дочка Николадзе от Анны Макаровой, которую отец воспитывал с 12-летнего возраста после кончины матери, вышла замуж за известного юриста Иванэ Зурабишвили. Фактически членами семьи были несколько племянников и близких родственников. В отчий дом вернулась дочка Боти и Нико - Лоло с маленьким ребенком. Молодая женщина тяжело пережила роман с писателем Камилем Хьюсманом, у которого в Бельгии оказалась семья.

Но вернемся в начало двадцатого века, в прекрасный дом в Диди Джихаиши, в котором по рассказам местных жителей –

полно чудес. Хозяева общаются по телефону с Поти и Тифлисом! Через специальную подзорную трубу смотрят на звезды. Застывают перед ящиком, который создает картинку почище художника – красок не надо – а все как в жизни. Есть шутковина, которая стирает белье! Младшенькая Тамар разъезжает по деревне на диковинном белом ослике, доставленном парохомом из Испании. Юная всадница и ее ослик вошли в историю благодаря тому, что вместе с ними сфотографировались Акакий Церетели и Нико Николадзе. Эта забавная фотография свидетельствует, что семья жила со вкусом, принимая гостей, радуясь приятным мелочам, балуя детей. Праздники чередовались с буднями, заполненными бесконечными заботами. Отец семейства то и дело отлучается по рабочим делам. Ольга Гурамишвили-Николадзе руководит женской гимназией, которую основала в Диди Джихаиши. Заметим, что эта была единственная действующая в деревне женская гимназия во всей Российской империи. Все в этом учебном заведении было поставлено с умом и размахом. Девочки изучали предметы, как в любой другой гимназии, но в то же время ученицам давали полезные сельскохозяйственные знания. При гимназии функционировал кабинет шелководства, для которого из Франции привозили грены элитных видов шелкопряда. В специальном помещении стояли выписанные заграничные станки – девушки осваивали ковроткачество. Русудан привезла в Диди Джихаиши часть лаборатории Менделеева, оборудование разместили в здании начальной школы, которая была открыта при содействии Нико Николадзе в 1915.

Однако, как это часто случается в жизни, сделавший столь много добрых дел для соотечественников Николадзе стал удобной мишенью для интриганов. Оно и понятно, вокруг инновационных проектов крутились большие деньги. Не-

довольных при распределении средств было предостаточно, они-то и состряпали судебный процесс, обвинив Николадзе в получении взятки от строительной компании Потийского порта. Разбирательство проходило в Кутаиси при открытых дверях и широко освещалось в прессе. Сфабрикованное дело развалилось, однако имена заказчиков так и остались невыясненными. Кроме того, суд постановил Николадзе выплатить штраф в размере 8 тысяч рублей. Это абсурдное решение переполнило чашу терпения Николадзе, который уехал работать в Россию, не завершив ряд начатых проектов. Остался всего один год до катаклизмов 1917.

После Февральской революции 1917 года Николадзе поддерживал идею полной независимости Грузии от России. Он был избран почетным председателем Национально-демократической партии Грузии. В годы правления Грузинской Независимой республики (1918-1921) он активно участвовал в социально-экономической жизни страны. В 1920 году Николадзе возглавлял грузинскую делегацию в Европу, пытаясь наладить экспорт марганцевой руды из Чиатура. С 1920 по 1926 гг. жил и работал в Лондоне. В 1926 году, через 5 лет после советизации Грузии, он вернулся на родину. Скончался знаменитый публицист и незаурядный общественный деятель в 1928 году, в возрасте 85 лет. Супруга пережила его на двенадцать лет. Похоронили супругов Николадзе в Дидубийском пантеоне Тбилиси, однако в 1957 году Нико Николадзе нашел последнее упокоевание в пантеоне на Мтацминда.

Недавно отреставрированный Дом-музей в Диди Джихаиши вновь принимает посетителей. В нем хранится более пяти тысяч экспонатов, в том числе, личные вещи Нико Николадзе и членов его семьи. Большую ценность представляют предметы быта европейского производства XVIII-XIX веков. Сохра-

нились поражающие воображение крестьян механизмы, помогавшие вести хозяйство – ветряной мотор (1910 г.), стиральная машина «Берлин», один из первых образцов фотоаппарата фирмы «Кодак» и многое другое. Центральное место в богатой библиотеке отведено изданным на разных языках научным трудам, литературным и публицистическим произведениям Нико Николадзе. Семья Николадзе оставила глубокий след в памяти односельчан. С 1972 года проводится ежегодный народный праздник «Никооба». В Диди Джихаиши был снят грузинский художественный фильм «Имеретинские эскизы».

В Потийской башне, в единственном строении, оставшемся от османской крепости, расположен музей Нико Николадзе. Город чтит память о человеке, подарившем Поти новую судьбу. В прошлом веке Поти дважды становился плацдармом для социально-экономических экспериментов. Успехи и заслуги Нико Николадзе переоценить трудно. Гораздо более скромных результатов добились инициаторы Потийского эксперимента времен перестройки, когда была предпринята попытка внедрить хозрасчетные отношения в отдельно взятом регионе. Между тем именно с легкой руки Нико Николадзе Поти в конце прошлого столетия постоянно притягивал неординарных хозяйственников, достаточно вспомнить, что на Золотом озере была создана прекрасная база для занятий водными видами спорта и проведен чемпионат Европы по водным лыжам. У Поти есть потенциал, этот город еще способен удивить, считал Николадзе. А он редко ошибался в своих прогнозах. Выдающийся деятель так писал о наметившемся прогрессе в 1918 году, после окончания Первой мировой войны: «Война фундаментально изменила значение Грузии для других стран. Нашей родине вернулась функция самого удобного моста между Западом и Востоком, утерянная в

Супруги Николадзе

XVI веке».

И далее: «От тех империй, которые до этого владели нами или грызли нас, нынешняя Европа отличается тем, что от нас требует не рабства, а сотрудничества. Рабов ей больше не надо. Вместо рабов она создала машины. Мы должны встать вровень с ней или исчезнуть. Это не ее закон, а закон природы. Это надо помнить всем, старому и малому, правительству и народу. Мы должны стать достойными ее дружбы, прогрессировать в промышленности и науке до такой степени, которая необходима для сохранения существования нации... Вооружимся же лучшим оборудованием; жадно прильнем к источнику современных знаний и опыта. Прекрасное месторасположение сулит нашей стране хорошее будущее, если не поленимся трудиться и разумно используем обстоятельства...». Прошел целый век, а звучит актуально. Стоит прислушаться к мнению общественного деятеля европейского уровня, который один из немногих не только знал, что делать, но и умел воплощать свои замыслы в реальность.

ГРУЗИЯ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

■ Леван ДОЛИДЗЕ

Этой осенью исполняется сто лет со дня окончания Первой мировой войны. От шока войны и перенесенных страданий долгое время не могло прийти в себя здравомыслящее человечество планеты. Потерянным поколением вошло оно в историю. Спустя почти десять лет после окончания войны этой теме посвятил свой роман «Прощай, оружие!» 30-летний Эрнест Хемингуэй, который в предисловии к нему написал: «Я считаю, что все, кто наживается на войне и кто способствует ее разжиганию, должны быть расстреляны в первый же день военных действий». Представителями честных граждан своей страны, которых они посылают сражаться». Слова великого гуманиста и писателя тогда не были услышаны: спустя двадцать лет разразилась Вторая мировая война – более смертоносная и разрушительная...

«Казус белли» (формальный повод для объявления войны), как и сама война 1914-1918 гг., были омерзительны. В боснийском городе Сараево был убит

престолонаследник Австрии эрцгерцог Франц Фердинанд. Это произошло 28 июня 1914 года. Сербии был предъявлен ультиматум. Маленькая, но гордая православная страна обратилась за помощью к России, которая сразу же объявила всеобщую мобилизацию. 31 июля Германия потребовала у России в течение одного-двух часов прервать мобилизацию, иначе... Россия не ответила. 1 августа 1914 года в 19.00 часов посол Германии в Петрограде вручил ноту об объявлении войны. И понеслось... Со временем война охватила 38 государств с населением (с учетом колоний) свыше 1,5 млрд. человек.

Естественно, в эту мировую бойню была втянута и маленькая Грузия, находящаяся в составе Российской империи. Героическая и многострадальная Грузия, которая согласно исследованиям доктора военных наук, генерал-лейтенанта Ираклия Джорджадзе (1917-1992), за свою государственную историю, находясь в постоянных войнах и сражениях

за независимость страны и сохранение православия, лишь несколько десятков лет имела возможность мирной жизни. Воины Грузии всегда отличались мужеством, стойкостью и смекалкой.

По всей Грузии с первых же дней войны началась всеобщая мобилизация, она проходила на таком высоком энтузиазме, что в стране почти не осталось семьи, которая не отдала бы фронту защитника, а то и нескольких сразу. Об этих днях сохранились воспоминания выдающегося лингвиста (знал почти 60 языков), академика с мировым именем. Выпускник Кутаисской гимназии, грузин по матери, Нико Марр выполнял на Кавказе особые научные исследования, которые во многом помогли Кавказской армии в период боевых действий. Именно за эти достижения академик Нико Марр в 1916 году был удостоен воинского звания генерал-майора. Кстати, старший сын Нико Марра – Георгий пал смертью храбрых в ожесточенной битве с турками в 1915 году.

Сколько же воинов из Грузии участвовали в этой войне? Сколько отличившихся удостоились наград? Эти и многие вопросы обычной военной статистики и сегодня являются темой поисков, исследований и споров историков.

Передо мной отдельный энциклопедический том «Грузинская ССР», подготовленный и изданный в 1981 году Главной научной редакцией Грузинской советской энциклопедии. Точных данных нет и здесь. Население Грузии перед Первой мировой войной в 1913 году составляло свыше 2,6 млн. человек, из них мужчин – 665.900. Призывной возраст в годы той войны был от 21 года до 43 лет. Газета «Сакартвело» от 20 июля 1915 года приводит данные о призыве из Грузии 200 тысяч человек, а война продолжалась до осени 1918 года. Здесь же следует учесть, что до Первой мировой войны в

армии России служили десятки тысяч грузинских воинов. Работая с архивными материалами, я сталкивался вновь и вновь с разночтениями в этом вопросе. По моим самым осторожным подсчетам получается, что в Первой мировой войне участвовали свыше 285 тысяч жителей Грузии, а это значит, что почти все боеспособное население Грузии сражалось на полях Первой мировой.

Особенно обострилась ситуация в Грузии, когда в войну в поддержку германо-австрийского блока вступила Турция. Это произошло 29 октября 1914 года. Образовался фронт не только в Закавказье, но и в Месопотамии (территория современного Ирака), на восточных границах Сирии и Палестины. Кавказская армия насчитывала тогда 103 тысячи человек, а вся армия России 1,5 млн., после же мобилизации эта цифра возросла до 5,5 млн. человек. Первое боевое крещение грузинский легион получил в ноябре при взятии турецкого города Артаан (Ардаган). Затем была крупная Сарыкамышская операция, которая началась 22 декабря 1914 года и завершилась полной победой Кавказской армии 5 января 1915 года. Турецкая 3-я армия понесла серьезные потери, что способствовало перенесению боевых действий в глубь Турции, намного южнее от границ с Грузией.

В боевой операции близ города Сарыкамыш произошел потрясающий случай, героем которого стал штабс-капитан Тарас Давидович Вашакидзе, и который украсил бы боевые страницы военной истории любой страны мира! Тарас Вашакидзе родился 8 июня 1873 года в селе Диди Губи Хонского района. После окончания Тифлисского юнкерского училища в 1895 году был назначен прапорщиком в 154-й Дербентский полк, а уже в 1913 году стал командиром роты. В Сарыкамышской операции с русской стороны участвовали 72

батальона и 43 сотни (роты), а с турецкой 82 и 22 соответственно. Турецкая армия перешла в наступление. Однако боевой дух русской армии, где было очень много грузинских воинов, был столь крепок, что она не только выдержала натиск врага, но вскоре сама перешла в контрнаступление, окружила и пленила его главные силы. Никто не верил, что это чудо совершил один человек с несколькими десятками смельчаков. Капитан Тарас Вашакидзе ввел в заблуждение противника, обманув его, что за бугром, в лесу, стоят три русских полка, готовые уничтожить турок, и ухитрился взять в плен весь командный состав 9-го корпуса 3-й турецкой армии. А это – командир 9-го корпуса Исхан-паша, три командира 17-й, 28-й и 29-й дивизий со своими штабами, около 110 офицеров и унтер-офицеров, более 2000 аскеров (турецких солдат), медперсонал и др. Помимо этого Тарас Вашакидзе со своими храбрецами захватил 8 пушек, 24 пулемета, большое количество снарядов, патронов, оружия, средств передвижения. А в это время с Тарасом Вашакидзе были только 128 солдат и один офицер!

Когда об этом узнал плененный Исхан-паша, он в гневе стукнул кулаком по столу и несколько раз повторил: «Шайтан-капитан!» («Дьявол-капитан!»). Говорят, когда об этом факте доложили императору Николаю II, он, улыбаясь, несколько раз просил заново пересказать услышанное. Тотчас последовал высочайший указ о награждении Тараса Вашакидзе орденом Св. Георгия IV степени. Весть о грузинском герое дошла и до президента Франции Раймона Пуанкаре, который наградил капитана высшей французской военной медалью (по статусу награждались только командующие армиями). До Т. Вашакидзе в России награжден был лишь император Николай II. Вскоре наш земляк был удостоен звания полковника,

Штабс-капитан Тарас Вашакидзе

минуя чин подполковника.

Повествование о жизни и героизме Тараса Вашакидзе будет неполным, если не сказать о его дальнейшей судьбе. Ему прочили блестящее будущее, сулили поступление в академию Генштаба, но... По окончании войны полковник Вашакидзе стал генералом в армии Грузинской Демократической Республики, было это ровно 100 лет назад. После же оккупации Грузии Красной армией герой Первой мировой войны оказался невостребованным. Уезжать из родной Грузии, как сделали многие, он не захотел. В 1937 году Т. Вашакидзе не стало. Ему было 64 года. Кстати, когда об этом я рассказал моему старшему другу – музыковеду, прекрасному знатоку литературы, искусства и спорта Гулбату Торадзе, лицо его просияло: он вспомнил тот далекий и тревожный 1937 год, когда вместе с отцом встретил на Дворцовой улице знаменитого героя. Оказывается, отец Гулбата Торадзе в чине поручика также воевал на турецком фронте, где в 1915 году был ранен. Как вспоминал Гулбат Торадзе, Та-

Генерал-лейтенант Николай Бараташвили

рас Вашакидзе был невысокого роста, плотный и сильно поседевший, с очень грустными глазами. Рассказ отца о герое маленький Гулбат запомнил на всю жизнь...

В самом начале турецкой кампании огромную роль сыграл один из лучших полководцев времен Первой мировой войны генерал-лейтенант Николай Николаевич Бараташвили (1865-1932), который со своим экспедиционным кавалерийским корпусом победоносно вступил в Северный Иран. Именно этим демаршем стало возможным своевременное предотвращение вступления Ирана в войну против России. Генерал Бараташвили, проведя ряд блистательных операций, надолго обеспечил безопасность левого крыла Кавказского фронта. Именно за это император Николай II объявил ему личную благодарность: «Радуясь мужеством Вашего экспедиционного корпуса... Благодарю Вас за мудрое руководство вверенных Вам войск...» 12 января 1916 г.» Генерал Н.Н. Бараташвили помог этим и Ан-

гли, которая наградила грузинского генерала своим высшим военным орденом.

Можно долго рассказывать о героизме грузинских генералов, офицеров, солдат на Кавказском фронте. Дополнив кавказскую тему одним волнующим фактом. Наряду с мужчинами в войне принимали участие грузинские женщины, которые отличились на разных участках войны. Одной из них была княжна Нина Захаровна Джорджадзе, которая добровольцем в первые же дни войны отправилась на Кавказский фронт, где была зачислена в передовой отряд Международного Красного Креста. Ей довелось участвовать в Сарыкамышском сражении, в боях за Карс, Бегли-Ахмет, Битлис, Каракамыс, Назык и многих других. За героизм отважная грузинская княжна была награждена медалью Св. Георгия IV степени. При этом Нина Джорджадзе не расставалась со своим верным спутником – фотоаппаратом «Кодак», которым отсняла уникальные фронтовые фотоснимки. Об этом интереснейшем факте стало известно сравнительно недавно, когда был подготовлен альбом с описанием ее героической биографии и снятыми ею фотографиями. Княжна Нина Джорджадзе родилась в Тифлисе 15 декабря 1884 года. Окончила Закавказский Институт Императора Николая I, или как его называли – Институт благородных девиц.

После окончания института Нина Джорджадзе, имея прекрасное музыкальное образование и зная несколько европейских языков, училась в Швейцарии, Австрии, а затем был Париж, Сорбонский университет. До войны она прошла курсы сестер милосердия. После оккупации Грузии стала преследоваться властями. Ни о какой работе не могло быть и речи. Ее брат – профессор ТГУ был репрессирован, погиб в лагере на Соловецких островах в 1937 году, второй брат – участ-

ник русско-японской, а затем Первой мировой войн погиб в России в период советизации. Сама княжна Нина Джорджадзе скончалась в Тбилиси в 1968 году в возрасте 84 лет. Похоронили героиню войны на фамильном кладбище в Кахети – Сабуре, где похоронены представители рода Джорджадзе...

Кстати, фронтовой штаб Кавказской армии в годы войны находился в небольшом селении Шемокмеда, в Гурии. Это гурийское село стало известно далеко за своими пределами не только тем, что здесь размещался штаб Кавказской армии, а прежде всего тем, что здесь из одной семьи вышли сразу пять генералов! Была семья офицера российской армии – дворянина Антона Левановича Думбадзе. Со своей супругой княжной Накашидзе вырастили 8 детей. Пятеро сыновей стали генералами русской армии – Иване, Николоз, Михеил, Иосеб и Самсон, шестой сын Мелитон был полковником, седьмой – Давид стал священником. Единственная дочь Елена вышла замуж за князя Лордкипанидзе. Потомки этой необыкновенной

Нина Джорджадзе

семьи сегодня разбросаны по всему миру. Живут в США, Канаде, Германии... Не так давно мой друг тбилисец Гия Думбадзе смог связаться со своими родственниками, проживающими в США, в штате Огайо, в городе Цинциннати. Здесь живет правнук генерала Иване Думбадзе – Игорь Александрович Думбадзе, который сообщил немало интереснейших фактов об этой знаменитой на весь мир генеральской династии.

Антон Леванович Думбадзе слыл блестящим исполнителем грузинских песен и был незаурядным кавалеристом. Скончался в 103 года, похоронен в г. Гори. Три брата – генералы Михеил (Михако), Николоз и Самсон были активными участниками Первой мировой войны. Иосеба Думбадзе после русско-японской войны, а затем окончания Военной академии назначили командиром 1-й артбригады во Владивостоке, а спустя полтора года, 6 декабря 1914 году, ему присвоили звание генерал-майора. Особую известность получил старший из братьев – Иване Антонович Думбадзе – отец 7 детей, который после участия в русско-японской войне был назначен градоначальником г. Ялты и пробыл в этой должности десять лет, вплоть до своей смерти – 01.10.1916, там же и похоронен. Был особо приближенным лицом императора Николая II. Крутого нрава, но справедливый. То ли в шутку, то ли всерьез в годы его «правления» Крымом край именовали «Думбадзией». По-разному сложились судьбы братьев-генералов. Известно, что младший из братьев – генерал Самсон Думбадзе, кавалер ордена Св. Георгия IV степени, с 1915 года был главным инженером Омского военного округа, а до этого, после окончания Военной инженерной академии им. Св. Николая, служил в Кавказском военном округе.

После революции он служил в белогвардейских частях. Большевиками был захвачен в

плен. Его супруга в это время находилась с детьми в Шанхае. Узнав об аресте мужа, она, невзирая на опасность, вернулась в Россию. Искала выход из сложившейся ситуации. Однако мужу ничем не смогла помочь. Ей пришлось ждать долгих 8 лет, пока Самсон Думбадзе «отмотал» свой срок в Бутырке. Генерал вернулся в Грузию, где скончался в 1938 году. Его сыновья смогли уехать в Европу, в Америку. Одного из его сыновей Георгия (Гоги) Самсоновича Думбадзе, офицера и сегодня вспоминает американская пресса с большим почетом. Капитан русской армии стал кавалером высшей награды царской России – ордена Св. Георгия в 23 года, что было в те годы редкостью. Его имя навечно осталось в Кремлевском Георгиевском зале, наряду с десятками грузинских генералов и офицеров, вписавших не одну героическую страницу в военную историю Российской империи...

Прославились в годы Первой мировой войны десятки, сотни грузинских генералов и офицеров. Упомянем еще одного из них – Илью Зааловича Одишелидзе. Выдающийся полководец русской армии, кавалер ордена Св. Георгия IV степени, обладатель Георгиевского Золотого оружия, генерал-лейтенант пользовался в годы войны высоким авторитетом. Он командовал полком, корпусом, был начальником штабов разных армий, а 12 сентября 1917 года вступил в должность командующего Кавказской армии. Отважный генерал 23 января 1921 года был назначен командующим Грузинской армии, которая продержалась до оккупации Грузии Красной Армией...

Перенесемся теперь на Западный фронт, где происходили главные события Первой мировой войны. В составе 2-го Кавказского армейского корпуса в который раз прославился легендарный 14-й Гренадерский грузинский полк под коман-

Иване Думбадзе

дованием Акакия Отхмезури. Весьма интересна биография 14-го Гренадерского полка, «рожденного» 25 июня 1700 года по велению Петра Великого, всегда, кстати, благоволившего всему грузинскому. Достаточно отметить, что 10 командиров и офицеров этого полка стали Георгиевскими кавалерами, среди них отец и сын Габриэл и Акакий Отхмезури.

С самого начала войны 14-й Гренадерский грузинский полк участвовал в операциях 1,10 и 13-й армий на реках Неман, Бзура, Кревленка, озере Нарочь, у г. Сморгонь. Мы остановимся на кровопролитных боях у г. Сморгонь в 115 км. от Минска. Пройдут годы и этот город назовут вторым Сталинградом! И действительно, здесь были одни из самых жестоких сражений Первой мировой войны. Был получен приказ: «Стоять насмерть! Ни шагу назад! За нами Россия!» Вместе с другими частями русских войск ожесточенно сражались с немцами воины 2-й Кавказской армии, куда помимо 14-го Гренадерского грузинского полка входили 15-й Тифлиский, 16-й Мингрельский

Во время химической атаки

и 13-й Лейб-Эриванский полки. Кто сегодня скажет, сколько полегло в этих сражениях на белорусской земле наших земляков! Людские потери были колоссальными. Только в 1914 году, т.е. за 5 месяцев, русская армия потеряла 1,5 млн. человек, а противник – 995 тысяч. 25 сентября 1915 года в штыковых атаках погибли 5.500 немцев и 3.500 российских воинов. Потрясающий факт: в нарушение всех приказов было заключено перемирие, чтобы собрать убитых и раненых с поля боя у р. Вилия. Сморгонь потом назовут «мертвым городом», он будет полностью разрушен и сожжен. Когда я знакомился в этом небольшом белорусском городе с архивными материалами той поры, узнавал все новые и новые факты героизма моих соотечественников, чувство щемящей горести сжимало мое сердце, а вместе с этим вызывал восхищение героизм грузинских воинов, погибших вдали от родной земли.

Полк под командованием Акакия Отхмезури вел ожесточенные бои, не давая противнику продвинуться вперед.

И именно здесь против 14-го Гренадерского грузинского полка немцы впервые в мире применили химическое оружие – хлор. Это желто-зеленый газ с резким запахом вызывал удушье, а при высокой концентрации хлора – мгновенную смерть. Отравляющее вещество – иприт немцы использовали позже, спустя два года. Первая газовая атака немцев произошла 12 октября 1915 года, после чего она вошла в разряд обычных боевых действий.

У станции Сморгонь в начале июля 1916 года насмерть были отравлены более 3000 воинов Кавказской гренадерской дивизии. Немцы пошли в атаку в противогазах, с винтовкой в одной руке и утыканной гвоздями дубинкой, чтобы добывать отравленных, – в другой. Но они не добились успеха благодаря стойкости грузинских гренадеров. В музее г. Сморгонь я имел возможность ознакомиться с воспоминаниями дочери Льва Толстого Александры Толстой, которая в ту пору заведовала фронтовым госпиталем. Она описала ужасы газо-

вых атак: «...В газовом облаке отважный командир полка полковник Акакий Отхмезури снял противогазовую маску, а вслед за ним и остальные офицеры в траншее, чтобы лучше было командовать солдатами и ободрять их... Погибающий полк отбил атаку. Большинство грузинских гренадеров погибло, погиб и их легендарный командир».

Акакий Отхмезури был убит 20 июля 1916 года в возрасте 42 лет. Посмертно он был награжден орденом Св. Георгия IV степени. Недавно была найдена затерянная могила героя. С помощью патриотов Беларуси, посольства Грузии и представителей грузинской диаспоры данная территория была благоустроена, на могиле героя установлено мемориальное надгробие. Мне довелось вместе с моим сыном Георгием, проживающим в Минске, побывать на могиле Акакия Отхмезури и окропить эту землю грузинским вином, поклониться праху командира 14-й Гренадерской грузинской дивизии и всем погибшим грузинам в той войне...

За всю историю царской России и СССР было десять Верховных Главнокомандующих. Из них двое были нашими соотечественниками – Алексей Алексеевич Брусилов и Иосиф Виссарионович Сталин. А.А. Брусилов родился 19 августа 1853 года в Тифлисе (как и два его брата, третий умер во младенчестве) в семье генерал-лейтенанта Алексея Брусилова. Рано оставшись без родителей, братья были приняты в семью дяди – военного инженера, жившего в Кутаиси. В этом городе они получили прекрасное образование. Кстати, один из братьев – Лев Брусилов – стал вице-адмиралом российского флота. Свою военную карьеру Алексей Брусилов начал в 15 лет в Тверском драгунском полку, дислоцированном близ Кутаиси. Алексей неплохо владел грузинским языком, дружил со многими грузинами. В 47 лет стал генерал-майором, а спустя 6 лет – генерал-лейтенантом. В декабре 1912 года ему присвоили звание генерала от кавалерии. Тогда он был помощником легендарного полководца и государственного деятеля Александра Константиновича Баграциона-Имеретинского, который командовал войсками Варшавского военного округа. Кстати, родовитый отпрыск грузинских царей был награжден многими российскими и иностранными орденами в совокупности, в том числе двумя орденами Св. Георгия IV и III степеней.

В марте 1916 года Алексей Брусилов назначается командующим Юго-Западным фронтом. 22 мая войска Брусилова перешли в наступление по нескольким направлениям одновременно, прорвав оборону врага. Это был большой успех, оказавший влияние на весь ход войны. Операция, получившая название «Брусилловский прорыв», завершилась спустя 71 день – 31 июля 1916 года. Она стала достоянием военного искусства для многих передовых государств мира. Потери врага

составили около 1,5 млн. человек, в плен были взяты 8.924 офицера и 408 тыс. солдат, захвачены 581 орудие и 1795 пулеметов. Потери русских – 500 тыс. человек, т.е. втрое меньше. За эту операцию А. Брусилов был награжден Георгиевским оружием, украшенным бриллиантом. 26 мая 1917 года А. Брусилов был назначен Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами России. А. Брусилов скончался в Москве и был с почестями похоронен на Новодевичьем кладбище 17 марта 1926 г.

В грандиозном «Брусилловском прорыве» участвовали многие грузинские генералы, десятки и сотни офицеров и солдат, а некоторые в ходе его получили генеральские звания. Например, Захарий Дмитриевич Бакрадзе (1868-1939) – командир Минского пехотного полка. Кавалер двух орденов Св. Георгия IV и III степеней, генерал-майор Бакрадзе был человеком потрясающей судьбы. Вместе с Иване Казбеги (1860-1944) и Кириллом Кутателадзе (1861-1929) Захарий Бакрадзе стал генералом и в армии Грузинской Демократической Республики, а после оккупации Красной армией Грузии – генералом Польской армии. Все трое погибли в Польше трагично. Они – единственные в Грузии стали генералами трех государств. Правда, наш современник, недавно ушедший из жизни Валериан Баграатович Гомелаури удосужился быть генералом четырех государств: СССР, Эфиопии, Российской Федерации и современной Грузии (!). За 318 лет летописи грузинского генералитета подобного факта не было.

Еще один герой войны, активный участник «Брусилловского прорыва», кавалер ордена Св. Георгия IV степени генерал-лейтенант Георгий Бежанович Андгуладзе. В период работы над своей книгой «Генералы из Грузии» я искал материалы в архивах войны и той поры – в Москве – и не только, чуть ли не по всему свету. Помогали дру-

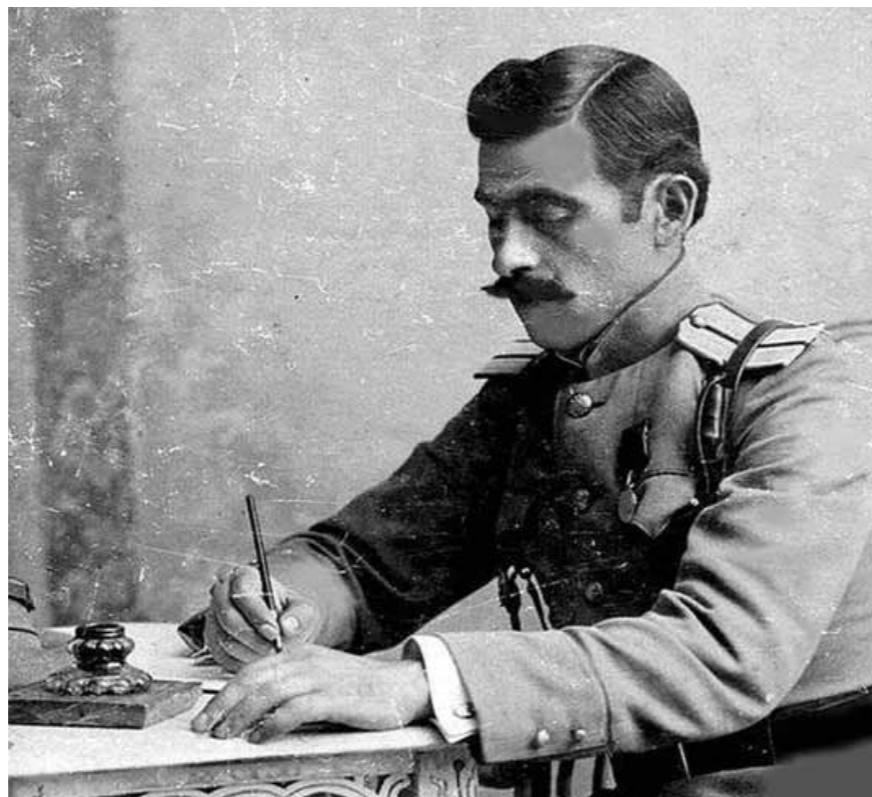
зья, знакомые. Особенно мне хотелось получить фотоснимок генерала Андгуладзе. Выше я уже упомянул моего друга Гио Думбадзе, благодаря которому читатели получили возможность ознакомиться с генеральской династией Думбадзе. На этот раз из Франции откликнулся сын генерала Андгуладзе, который по моей просьбе переслал письмо из Марселя в посольство Грузии в Париже. В письме были копии фотографий. На одной читаю: «Дорогому сыну Гиги – на добрую память о пребывании у отца на Пасху в апреле 1936 года». Эту фотографию генерала с сыном, как и многие редчайшие фотографии грузинских генералов времен Первой мировой войны, я поместил в моей книге. На ней генералу 76 лет, а Гиги – 15. Из письма Гиги Георгиевича Андгуладзе я и узнал, что его прославленный отец родился в Озургети 20 января 1866 г. Окончил Тифлисское юнкерское училище. Был участником русско-японской войны (1904-1905), где встретился с легендарным командиром «Дикой конной» дивизии Иваном Макаровичем Орбелиани (1844-1919). Прошел всю Первую мировую войну, командовал 13-й пехотной дивизией. Покинул Россию в 1920 г. в звании генерал-лейтенанта. При-

Алексей Брусилов

был в Константинополь, а после – в Галлиполи. Жил в Болгарии, в г. Велико-Тырново. В 1921 году у него родился сын Гига, а в январе 1923-го генерал с семьей перебрался в Марсель. В последние годы генерал-лейтенант Г.Б. Андгуладзе жил в Париже, где возглавлял объединение ветеранов офицеров и солдат 13-й пехотной дивизии. Был женат дважды. От первого брака имел двух сыновей – Николая и Михаила. Они были юнкерами, погибли во время революции. Генерал Андгуладзе скончался 22 марта 1948 г., похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де Буа близ Парижа.

Когда познакомишься с биографиями грузинских полководцев времен Первой мировой войны, нельзя не испытывать волнение. На фронтах сражались с врагом, а на Родине их встречали как врагов. Десятки расстрелянных генералов и офицеров, безжалостно выброшенных из родных гнезд. Трагична судьба сотен, тысяч наших соотечественников, их семей, родителей... Нельзя без душевного трепета знакомиться с судьбой сына генерал-майора Григола Александровича Кониашвили – Александра, участника Первой мировой войны, полковника русской армии, кавалера Георгиевского креста. В Грузии при меньшевиках он стал генералом, воевал на Со-

Генерал Георгий Мазнишвили

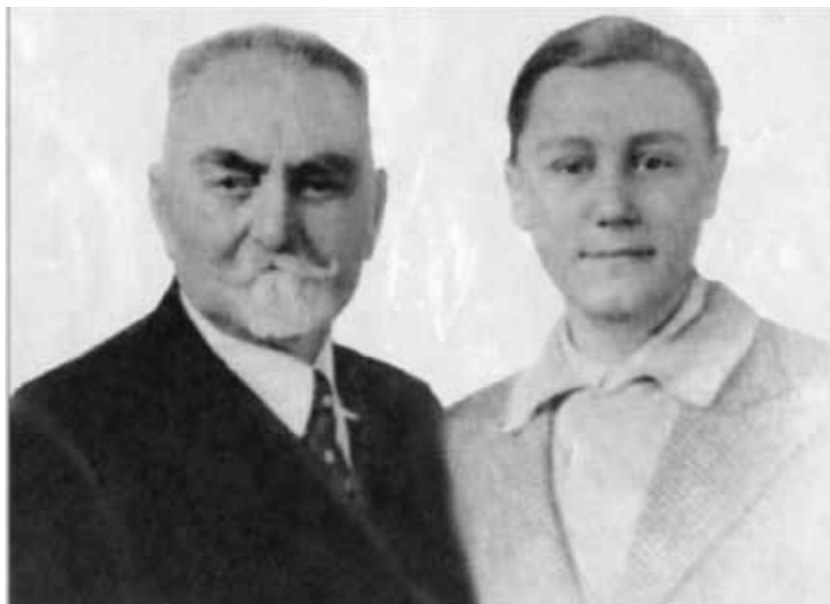
чинском фронте вместе с легендарным генералом Георгием Мазнишвили. С 1921 года был в эмиграции, скитался по странам Европы и Америки, оказавшись в Аргентине, испытывал сильную ностальгию по Грузии, создал там кружок по изучению грузинского языка, народных песен и танцев. 30 апреля 1951 г. 77-летний Александр Кониашвили скончался, его похоронили в г. Кастельери, близ Буэнос-

Айреса. Председатель Грузинского землячества Франции Виктор Хомерики передал мне фото – сегодня это единственный снимок генерала Александра Кониашвили! Такова судьба сотен, возможно и тысяч наших земляков...

Первая мировая война длилась более 4-х лет. С обеих сторон было мобилизовано 73 млн. 515 тыс. человек. Общие потери составили около 10 млн. убитых, а раненых и искалеченных было в два раза больше. Итогом войны явилось крушение империй – Российской, Австро-Венгрии и Османской. Россию ждала более тяжелая участь – национально-государственная катастрофа! Грузия сумела создать демократическое государство, но эйфория свободы закончилась через три года, в феврале 1921 года.

Спустя 20 лет началась еще более кровавая, более масштабная Вторая мировая война, которая также продолжалась четыре года. Жернова этой войны перемолотили 50 000 000 жителей. Научится ли человечество жить в мире, без войн и разрушений?

Генерал Георгий Андгуладзе с сыном Гиги

14 თქტომბერი
19.00 октябрь

Вечер-концерт памяти поэта РОБЕРТА РОЖДЕСТВЕНСКОГО საღამო კონცერტი პოეტ რობერტ როჯდესტვენსკის ხსოვნას

МОИ ГОДА — МОЁ БОГАТСТВО ჩემი წლები — ჩემი სიმდიდრეა

მონაწილეობენ:
Участвуют:

ვანტანგ კიკაბიძე
Вахтанг КИКАБИДЗЕ

ნანი ბრეგვაძე
ნანი БРЕГВАДЗЕ

იური როსტი
Юрий РОСТ

ეკატერინა როჯდესტვენსკაია
Екатерина РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

მერაბ ანდრონიკაშვილი
Мераб АНДРОНИКАШВИЛИ

ლიზა ბაგრატიონი
Лиза БАГРАТИОНИ

ნათია ფერანიძე
Натия ПЕРАНИДЗЕ

ირმა სოხადე
Ирма СОХАДЗЕ

მაკა ზამბახიძე
და რატი დურგლიშვილი
Мака ЗАМБАХИДЗЕ
ი რატი ДУРГЛИШВИЛИ

სოფო ხალვაში
Софико ХАЛВАШИ

სლავა ნათენაძე
Слава НАТЕНАДЗЕ

მარიკო ებრალიძე
Мариико ЭБРАЛИДЗЕ

კვარტეტი „ფორტე“
კვარტეტი «ФОРТЕ»

თბილისის-ურბი კვარტეტი
ТБИЛИССКИЙ КВАРТЕТ

ტრიო „ნატალი“
Трио «НАТАЛИ»

სერგეი ვილინი
Сергей ЖИЛИН

ალიონა სვირიდოვა
Алёна СВИРИДОВА

კირილ საფონოვი
და ალექსანდრა საველიევა
Кирилл САФОНОВ
ი ალექსანდრა САВЕЛЬЕВА

ალექსეი ბირიუკოვი,
რ. როჯდესტვენსკის
შვილიშვილი
Алексей БИРЮКОВ,
внук Р. Рождественского

რუტგერ გარეხტი
Рутгер ГАРЕХТ

და სხვა მუსიკანთა არტისტები
и другие прекрасные артисты

რეჟისორები: ეკატერინა როჯდესტვენსკაია და ოლიკო ვდენტი
Режиссёры — Екатерина Рождественская и Олико Жгенти
ორგანიზატორი — გამომცემლობა „ლიბრიკა“
Организатор — издательство «Либрика»

მაყურებელი დასამუქდება რ. როჯდესტვენსკის ლექსების წიგნით
„ჩემი წლები — ჩემი სიმდიდრეა“
Все зрители получат в подарок книгу стихов Р. Рождественского
«Мои года — моё богатство»

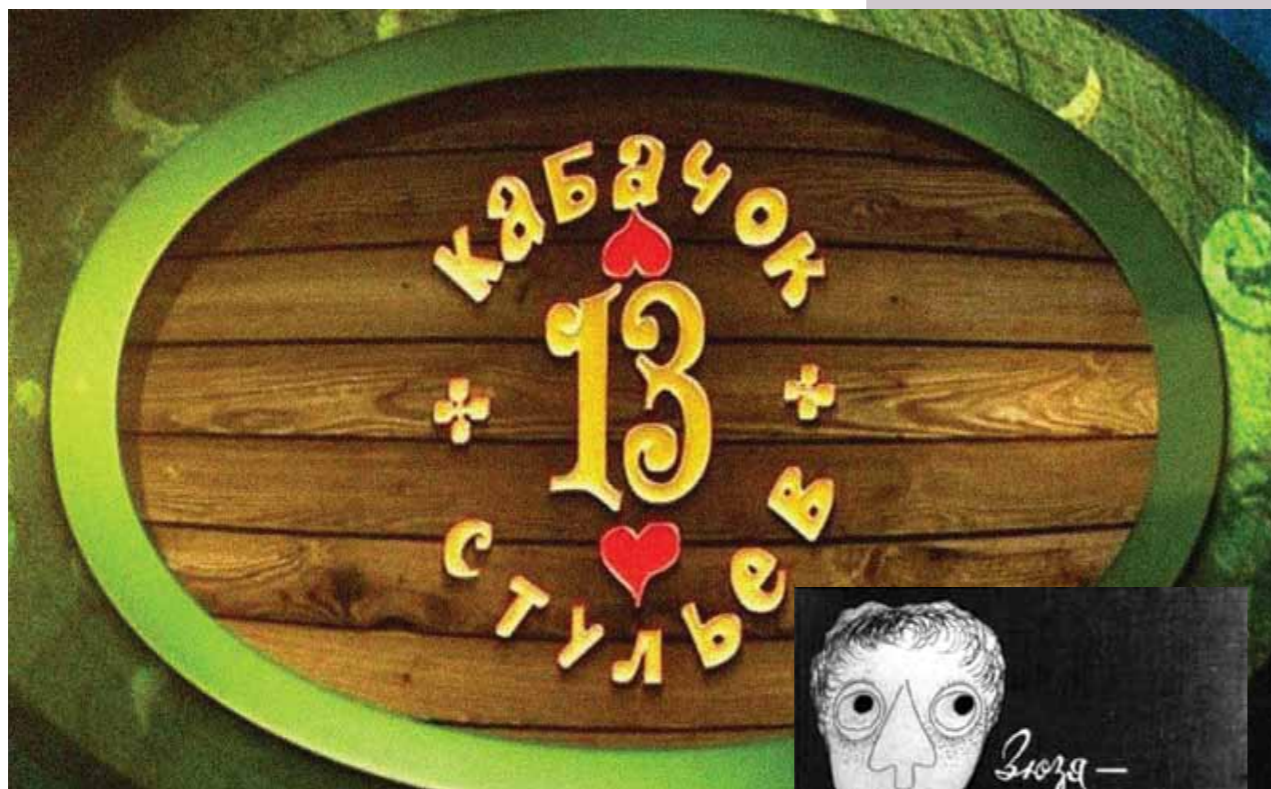

ლიბრიკა
ЛИБРИКА

გრიბოედოვის თეატრის სცენაზე
На сцене Театра Грибоедова

ბილეთების შეძენა/დაჯავშნვა
Приобретение/заказ билетов 293 11 06

Заставка легендарной телепередачи

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Старшее и среднее поколения хорошо помнят, как в легендарный «Кабачок 13 стульев» на советском телевидении со словами «Добрейший всем вечерочек!» входил графоман-зайцевед Пан Зюзя. Эстрадной классикой стали монологи подвыпившего интеллигента, звонящего из «тимирязевского» вырезателя своей жене Люле. На знаменитых концертах ко Дню милиции регулярно выступал на злобу дня мудрый и ироничный Аптекарь, пришедший из пьесы Льва Славина «Интервенция». На радио «Юмор FM» шла передача «Говорит Одесса», переполненный зал московского Театра сатиры аплодировал доктору Бартоло из «Женитьбы Фигаро», Почтмейстеру из «Ревизора», ревнивому мужу из «Маленьких комедий большого дома»... Но

все это могло и не быть, если бы Грузия в 1941 году не приютила мальчика-беженца Зяму Высоковского.

«Родился я на берегу Азовского моря в славном Таганроге 28 ноября. В один день с Фридрихом Энгельсом, но чуток попозжее его, в 1932 году, — вспоминал через много лет актер театра, кино и эстрады Зиновий Высоковский. — Сей факт сердце никак не согревает, но все-таки какой-то «Анти-Дюринг» в этом присутствует... Когда мне стукнуло семь лет, мой дед, знаменитый в довоенном Таганроге портной, сказал мне: «Всю свою жизнь, Зюнечка, старайся смотреть в свою тарелку и внимательно следить за тем, чтобы она была у тебя полной. И вот если ты будешь этим серьезно заниматься, то у тебя никогда не будет време-

ни смотреть в чужую тарелку». Этому завету народный артист России и заслуженный деятель культуры Польши следовал всю свою жизнь.

Проучиться в школе мальчик успевает лишь два года — начинается Великая Отечественная война. К городу стремительно приближаются немцы, и на эвакуацию отводятся всего восемь дней. Вместе с другими выезжает и семья бухгалтера завода «Красный гидропресс» Моисея Высоковского. Кому-то, а ей оставаться никак нельзя, уже на девятый день оккупации в Таганроге были расстреляны около двух тысяч евреев. Слово — Зиновию Высоковскому:

«Я принадлежу к поколению, детство которого оборвала война. С последним эшелом меня вывезли из Таганро-

В этом здании была 21-я тбилисская школа

га, куда чуть ли не на следующий день вошли немцы. Мы ехали в Тбилиси, поезд бомбили и старый грузин, единственный проводник на весь состав, с улыбкой успокаивал нас. Он приговаривал: «Не плачь, бичико, ты же мужчина, а значит, охотник и не должен бояться птиц. Видишь, у них на крыльях кресты, а кто сам на себе поставил крест, песенка того спета...». Вот так я впервые услышал голос Кавказа, узнал, что такое кавказская мудрость и доброта. Я узнал ее еще лучше, когда нас, ребят самых разных национальностей, приняли в Грузии как родных».

Слова благодарности Грузии он повторяет неоднократно, во многих интервью: «Мы вошли в этот прекрасный, пахнувший мандариновыми корками город, и там нас приютили и обогрели... Кавказ принял нас всех, не спрашивая национальности. В школе нас учили наукам, а на школьном дворе седой сторож дедушка Шалва, который подкармливал нас, эвакуированных мальчишек, кукурузными лепешками, преподавал нам народную мудрость: «Дети! Слушайте и запоминайте. Вот моя рука. Кто скажет, зачем на ней пять пальцев?» И сам же отвечал: «Чтобы эта рука всегда рабо-

тала за пятерых». А знаешь, Зиновий — продолжал он, — зачем между пальцами щелочки? Это чтобы деньги сквозь них сыпались. Будь щедрым: что отдал, то твое, что зажал в кулак, счастья не приносит... А теперь кто скажет, зачем между пальцами дырочки? Никто не скажет, аба, я скажу: чтобы в эти дырочки деньги пролетали... Будьте всегда щедрыми, дети, все отдавайте людям! Все, что отдал — твое, что не отдал — то пропало».

Много мудрых и простых слов услышал я от старого Шалвы. «Не та кровь дорога, что в жилах, а та, что из жил, — говорил он. — За какую землю ты жизнь готов отдать, та тебе и Родина». Был и такой совет: «Пейте, дети, молоко, чтобы сберечь здоровье и в старости пить красное вино, а не наоборот, как приходится поступать вашему старому Шалве...» Я по возможности соблюдал его рецепт и, может быть, поэтому до сих пор жив и могу употреблять кое-что покрепче молока... Девятилетним мальчиком я стал полноправным гражданином Кавказа... Дедушка Шалва учил меня сначала правильному акценту, а затем уже и грузинскому языку. Он говорил мне: «Зиновий, шен генацвале, если ты виучился гово-

рить по-русски, то как можешь не знать по-грузински?! Смотри, как по-русски трудно выговаривается: лягушка квакает у прудэ. И смотри, как тонко, как изящно по-грузински: бахахи цхалши хихинебс». Добавим, что происходило все это в 21-й тбилисской средней школе на проспекте Плеханова, ныне — здание Православной школы имени Святой Нино Патриархии Грузии на проспекте Агмашенебели.

В те годы всем жилось трудно. Потому-то есть и такие воспоминания: «В Тбилиси, где проходило мое беспризорное, оборванное войной, голодное детство, мы с оравой эвакуированных мальчишек пели на базарах, воровали яблоки и айву с прилавков... Сердобольные грузины делали страшные глаза и только цокали языками... В общем, по Высоцкому: «Я вырос, как вся дворовая шпана, мы пили водку, пели песни ночью...». А еще именно в грузинской столице Зяма окончательно решает, кем он станет: «Уже закончилась война. В

Борис Захава

Молодой актер Театра сатиры З. Высоковский

1945 или в 1946 году, когда в Тбилиси приехал Райкин, родители взяли меня на концерт, и я увидел его первый раз в жизни. Помню, он пел на мотив Чаплина: «Живет он в Ленинграде, зовут его Аркадий, иль попросту Аркаша, иль Райкин наконец». Я с детства был шутком, клоуном. Но тогда интуитивно понял: это то, к чему я хочу стремиться».

После войны Высоковские возвращаются в Таганрог. В школе Зяма увлекается театром, играет в спектаклях, которые ставит учительница Юлия Григорьевна Недоречко, окончательно привившая ему любовь к сцене. А потом происходят две неожиданности. Первая: Зиновий оканчивает школу с золотой медалью. Вторая: он решает поступать в театральное училище и ехать в Москву, где у него «никого не было, ни родных, ни знакомых, вообще никого». Папа-бухгалтер страшно огорчен: «Ребенок с золотой медалью уходит в босьяки. Откуда это у него? В нашей семье никогда не было ни босяков, ни шаромыжников, ни артистов...». Но его сын остается непреклонным и появляется на прослушивании в Щукинском училище. Все, что он привез с собой, — «золотая медаль, белые парусиновые брюки и стихотворение Владимира Маяковского «Вызов».

После прослушивания его отправляют к ректору училища Борису Захава: «Вы ему прочтете, и он ваш вопрос решит». Знаменитый режиссер и педагог, прослушав парня, вручает ему конверт. На обратном пути, в электричке, Зиновий подда-

В роли доктора Бартоло из «Женитьбы Фигаро»

ется искушению и конверт вскрывает. Письмо лаконично: «Считаю возможным Высоковского зачислить немедленно». Надо ли говорить, в каком состоянии Зяма проводит теплую июньскую ночь на Курском вокзале перед возвращением домой? Но наступает август и в Таганрог приходит телеграмма из Главного управления учебных заведений. Она еще лаконичней: «Не считаем возможным утвердить кандидатуру».

И Зяма с отцом отправляются в Москву. Захава в недоумении: «Я сам ничего не понимаю. Я сейчас позвоню председателю Комитета по делам искусств». Звонит немедленно: «Я принял Высоковского в училище. Я сам его могу отчислить по профнепригодности с первого курса. Но сейчас я отвечаю за него. И я прошу...» Выслушав ответ, краснеет и, помрачнев, говорит: «К сожалению, я ничего не могу сделать». Со временем стало ясно, что «ларчик просто открывался»: в том самом 1952 году в Москве уже разгорается антисемитское «Дело врачей». Евреев, а тем более, иногородних отправляют подальше от столицы.

Все мечты разрушены: «Я вернулся в Таганрог, где в то время на базе сельскохозяйственного института, по личному распоряжению Сталина, был создан совершенно секретный закрытый радиотехнический институт. Как потом оказалось, там начинали «ковать кадры» для космоса. Туда был такой анкетный отбор, что даже трудно себе представить это сейчас... Но жизнь моя — анекдот... Учиться в открытом театральном мне не разрешили, а в совершенно закрытый радиотехнический взяли. И я его окончил. И год работал на космос. И понял, что чем быстрее я из него, из космоса, уйду, тем значительнее будет мой вклад в его освоение...» Кстати, секретный институт он оканчивает с «красным» дипломом,

Кабачок «13 стульев». Слева - пан Гималайский (Р. Рудин)

хотя большую часть времени проводит в студенческом театре эстрадных миниатюр. Играет интермедии, сам пишет их, читает юмористические рассказы. А вне стен института ведет со своим другом парный конференс в кинотеатре «Рот-Фронт», в джаз-оркестре, перед вечерними киносеансами.

В итоге, проработав по распределению год, специалист в области автоматических систем управления в 1957-м вновь предстает перед ректором «Щуки». И слышит от Захава: «Зиновий. Я рад, что Вы пришли, я вас все это время ждал...» Поначалу в учебе мешает южный говор: «Профессор, который преподавал у нас сценическую речь, утверждал, что мой диалект неистребим. Тогда я пошел в музей МХАТ и выпросил стенограмму обсуждения репетиции чеховской пьесы «Вишневый сад» в присутствии автора. Где зафиксировано, как мой земляк великий Антон Павлович Чехов говорил: «Это жижь превосходна, это жижь великолепно...». Показал профессору. А он мне: «Чехов мог так говорить, но писал «Жижь» он по-другому... А вас, если не избавитесь от говора, будут понимать только в Таганроге».

И вскоре он произносит монологи ничуть не хуже своих однокурсников Андрея Миронова, Вениамина Смехова, Людмилы Максаковой, Александра Збруева, Александра Белявского, Ивана Бортника. «Такой был курсик», — говорил он потом. Этот звездный курс — единственный, которым руководил в своей жизни легендарный Владимир Этуш, в 1987 году написавший на программке спектакля в Государственном театре эстрады с участием Высоковского: «Зяма! Ученику, вот-вот и превосходшему учителя. С любовью и уважением. Ваш Вл. Этуш».

Зиновий получал стипендию в 22 рубля, ходил на занятия в одном и том же пиджаке, жил по временной прописке в десятиметровой комнате с женой и дочкой Катей, родившейся за год до окончания им училища. Будущие супруги знакомятся в Ростове-на-Дону, на конкурсе самодеятельности. Подружки говорят девушке: «Какая ты

дура, он бы сейчас работал на заводе, зарплату бы большую получал, а будет учиться на артиста, так бросит тебя». А они прожили вместе больше половины века. Любовь Ефимовна становится своей и в компании щукинцев. Как-то на вечере выпускников женщине, сказавшей, что не помнит ее, ответили: «А Любаня никогда здесь не училась, она поступила женой». «Это было время вечного безденежья, обязательного веселья, когда три рубля были верхом блаженства: можно было скинуться и купить водки, пельменей и созвать друзей», — говорил Высоковский.

Окончив в 1961-м училище, он сразу попадает в Московский театр миниатюр, который называют «школой клоунов» и которым руководит Владимир Поляков — сценарист легендарной «Карнавальная ночь» и автор всех программ Аркадия Райкина («что на уме у Полякова, у Райкина на языке»). Там Высоковский играет вместе с Марком Захаровым и Владимиром Высоцким: «Среди моих новых приятелей был коренастый, крепко сбитый парень с гитарой. И в 1962 году ему было 24 года, и никто не предполагал тогда, что именно он скажет от всех нас за всех нас, про всех нас так, как никто другой». Работая в этом театре, Зиновий уже ездит на гастроли в страны «соцлагеря». А с 1967 года он уже — в знаменитом Театре сатиры. На 21 год.

Увы, его талант там востребован не полностью — складываются сложные отношения с худруком Валентином Плучеком. В первую очередь из-за работы «на стороне» — с 1967 года, вместе с еще несколькими актерами театра, в обожаемом всей страной телевизионном «Кабачке 13 стульев»: «Художественное руководство Театра сатиры во главе с главным режиссером и кукловодом просто нас ненавидело, считало, что мы вносим в академическую сатиру (я до сих пор не понимаю, что это такое) некоторый привкус эстрады. Когда мы получили всесоюзную, действительно дикую популярность, то мы вроде стали самодостаточны, и он стал этого бояться». Раздражало Плучека и то, что зрители серьезных драматических спектаклей его театра визжали от восторга, увидев, пусть и в других ролях, «пана Директора» (Спартак Мишулина), «пани Мони-

Кабачок «13 стульев». Пан Зюзя, пан Профессор (Б. Рунге), пан Директор (С. Мишулин)

Валентин Плучек

ку» (Ольгу Аросеву), пана Ведущего (Михаила Державина)... Плучек не мог смириться с тем, что во многом популярным его театр сделала невиданная популярность «кабачка».

Вот и остались в истории этого театра лишь несколько блистательных, но неглавных ролей, сыгранных Высоковским. Не увидел массовый зритель и двухсерийный телевизионный фильм «Швейк во Второй мировой войне», снятый Марком Захаровым по Бертольду Брехту в 1969-м. Высоковский играл в нем главную роль, Анатолий Папанов – Гитлера, участвовали также Мишулин, Державин, Георгий Менглет, Роман Ткачук и другие звезды Театра сатиры. Но уж слишком напрашивались аналогии с советской действительностью... Впрочем, о телевидении разговор пойдет ниже. А здесь надо добавить, что актера-шута очень ценил кумир всей его жизни Аркадий Райкин:

«Как-то в 1976 году мы с Аркадием Исааковичем были на одном полузакрытом правительственном концерте. Возвращаемся мы с Аркадием Исааковичем в одной машине, и он мне говорит: «Чего вы торчите в этом Театре сатиры? Идите ко мне». Я сказал: «Аркадий Исаакович, когда я смотрю ваши спектакли, то если вы хоть на минуту уходите со сцены, мне сразу становится скучно. А если я буду на сцене с вами, и вы уйдете, то мне будет скучно от самого себя». Была большая пауза. И Райкин говорит: «Уходить я не собираюсь». Когда мы прощались, я сказал: «Аркадий Исаакович, я прошу вас, подарите мне свою фотографию с подписью». Он сказал: «Хорошо». Через неделю звонит его первый артист Владимир Ляховицкий: «У меня для тебя небывалый подарок, такого еще никто не видел и не читал». И через полчаса я получаю от него конверт, а там фотография Райкина и подписано: «Зямоч-

ке, моему собрату, с симпатией. 17 октября 1976 года». Тогда я понял, что коронован».

Коронован он был и народом. Его шутки в образе «зайцеведа» и «зайцелюба» пана Зюзи повторяла вся страна. Это был один из самых любимых зрителями персонажей «Кабачка 13 стульев», тексты для него писал сам актер, придумавший ему и имя. В детстве у него были друзья-ассирийцы, он запомнил, что на их языке «зузи» означает «деньги» и добавлял: «Ну, а «зюзя» российскому человеку говорит о многом». Так и стали говорить в народе: «Напиться в пана Зюзю... В юмористической передаче, шедшей с 1966-го по 1980-й годы, всех восхищали невиданные для советского телевидения шутки на остросоциальные темы. Использовались миниатюры и имена из польских юмористических журналов, звучали фонограммы песен зарубежных звезд. В часы трансляции «кабачка» пустели улицы – люди спе-

В роли Швейка в телефильме Марка Захарова

шили приобщиться к веселой и красивой «не нашей жизни», где, к тому же о многих актуальных проблемах говорили в открытую.

Свои первые звания – заслуженных деятелей польской культуры артисты «кабачка» получили в посольстве Польской Народной Республики. Вручая знаки отличия, министр культуры Польши сказал фразу, объясняющую очень многое: «Нас часто спрашивают, не обижаемся ли мы, что в СССР по телевидению идет передача, в которой паны и пани выглядят немножко балдами? Мы не обижаемся. Потому что понимаем: если по вашему Центральному телевидению скажут: «Товарищ Директор – дурак», то это как-то неудобно. А когда звучит «пан Директор», то это вроде не у вас. Но всем понятно, о чем речь».

Все это не могло не раздражать идеологов в партийном руководстве страны, главу Центрального телевидения Сергея Лапина. За 15 лет выходит 133 выпуска этой передачи, а в 1981-м ее

Журналист Файнштейн в фильме «Живые и мертвые»

закрывают. Ходят слухи, что из-за массовых антисоциалистических выступлений в Польше. Но на Новогоднем приеме в Кремле к Лапину подходит «лично дорогой Леонид Ильич Брежнев»: «Слушай, тут супруга меня спрашивает, когда будет «кабачок»?» И передача возобновляется. Правда, ненадолго.

Через шесть лет, в 1987-м, Зиновий Моисеевич покидает театр. Плучек после смерти на сцене Андрея Миронова не прекращает гастроли в Риге, а они совпадают с сольными выступлениями Высоковского, которые идут с полным аншлагом. Да и вообще, работать с руководством театра он уже не может, и уходит «на вольные хлеба». Маска пана Зюзи, казалось бы, приросла к нему, но он выходит из этого образа циклом «звонков из вырезвителя» жене Люльку. Словечки из этих монологов цитирует вся страна: «мацацикл», «к стенке прислонютый», «бледный мент», «цулюю». А знаменитый юморист Аркадий Арканов пишет такую эпиграмму: «Какая песня без баяна?! Какой ботинок без шнурка?! Какая Марья без Ивана?! Какой пан Зюзя без Люлька?»

Высоковский ставит спектакли в Театре эстрады, ведет радиопередачу «Говорит Одесса» и юмористические колонки в газетах «Новый свет» (США), «Московский комсомолец», «Русский израильтянин». В них немало анекдотов, сочных им самим, на это он – большой мастер. Достаточно вспомнить пару анекдотов середины 60-х годов, когда космонавты с орбиты обязательно докладывали руководству СССР, что полет проходит нормально и чувствуют они себя прекрасно. Высоковский «выводит» на орбиту... Рабиновича. И тот сообщает партии и правительству: «Впервые в жизни чувствую себя нормально». А в другом «космическом» анекдоте был такой доклад: «Все системы корабля работают нормально... ботают нормально... ботают нормально».

Он много гастролит. «Куда мы только не ездили на гастроли – и за границу, и по стране, у нас было по 40 предложений в день. А сколь-

ко мы в круизы ездили с одной только внучкой Сонечкой – раз 20, по-моему. Концерты Зиновия везде проходили блистательно», – делится его жена. А вот с кинематографом ему не повезло, хотя еще в 1964-м он блистательно дебютировал небольшой ролью фронтового журналиста Мишки Файнштейна в знаменитом фильме «Живые и мертвые». Через год – уже одна из главных ролей – Гриша Костанецкий в картине «Друзья и годы». А о дальнейшем он говорил так: «Но кино закончилось, когда я впервые произнес в «кабачке» слова: «Добрейший всем вечерочек». И остался в кино лишь с десятком его эпизодических ролей.

Он часто вспоминает Владимира Высоцкого, с

«Звонок из вырезвителя»

которым дружил и которому даже составил компанию в выступлениях перед участниками черноморского круиза на лайнере «Шота Руставели». Однажды в большой компании он заявил: «Володь, знаешь, тебя надо читать! Ты ведь гитарой забиваешь слова». И начал декламировать стихи Высоцкого. Тот, помолчав, сказал Марине Влади: «Меня читать может только Зяма!» А через четверть века после смерти своего друга Высоковский выпускает аудиокнигу «Мой Высоцкий», над которой работал почти год – «для себя, для людей, для Высоцкого».

А когда в 1987 году Высоцкому посмертно готовили Государственную премию СССР, его близким людям задали два вопроса: «Как вы относитесь к присуждению этой премии?» и «Как вы думаете, что бы он бы делал, если бы он ожил?» Ответ Высоковского на первый вопрос: «Пойдите на Ваганьковское кладбище, извинитесь перед людьми, раздвиньте цветы на могиле, благо, они и зимой, и летом, и весной там

Жена и дочь Высоковского, В. Высоцкий и М. Влади. Снимок З. Высоковского

лежат, и туда в землю спросите у него, нужна ему сейчас Государственная премия? И послушайте внимательно». Отвечая на второй вопрос, он сразу предупреждает, что его не напечатают: «Если бы Бог на один день воскресил Владимира Семеновича, то к утру следующего дня была бы готова песня, которую бы назавтра распевал бы весь народ российский, а к вечеру этого же дня его бы с удовольствием похоронили и демократы, и консерваторы, и коммунисты, и артисты, и все, кто угодно, и закопали бы опять». Не напечатали.

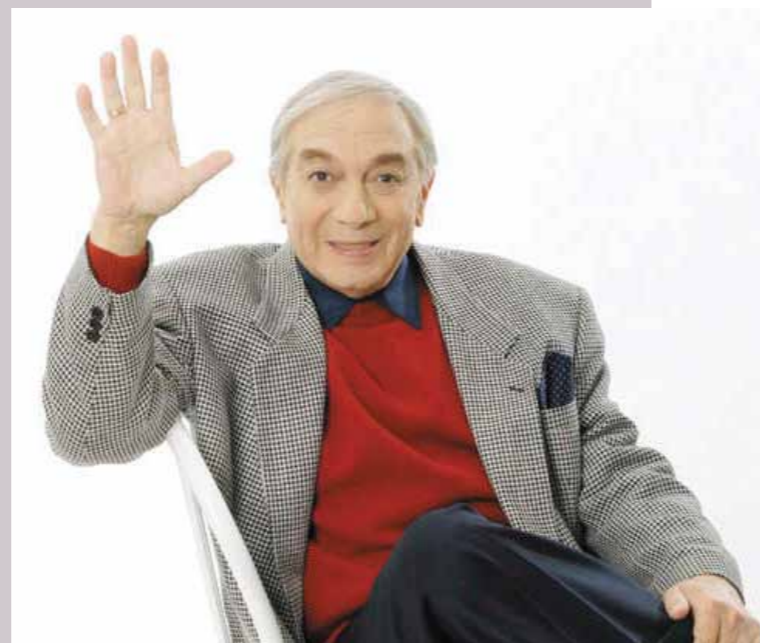
Это – еще одно проявление того, как он всегда остро чувствовал «злобу дня». В 1993 году он участвует в попытке возродить «Кабачок 13 стульев», пишет три сценария. Но передаче дают новое название «На Тверской» и постоянно пре-

Супруги Высоковские

рывают рекламой: «Нас всех утопили тогда в соке «Вимм-Билль-Данн». Мы отказались работать с новыми требованиями, мы ведь тоже не на помойке сделаны, пусть уж лучше нас будут помнить прежними, когда мы были в собственном соку. А жаль». Ведь он уже видел героев «кабачка» в свете новых реалий. Пана Директора с орденовыми колодками, работающего швейцаром, сыновей пана Спортсмена, ставших рэкетирами, пана Гималайского в шоу-бизнесе, пана Зюсю – автора «мыльного» сериала «Зайцы тоже скачут!». А еще – рожденных новыми временами пана Бомжа, пана Спонсора, пана Пенсионера, пана Политика, пана Олигарха, панночек из массажного кабинета «Венера»...

У него было много планов, он даже возвращается в Театр сатиры. Но в 2009 году умирает от хронической почечной недостаточности. А до этого повторяет в своих интервью: «И когда сегодня я думаю о Родине, я вижу перед собой маленькую, всю в акациях улицу Октябрьскую в Таганроге, двор с тополем, калитку, обвитую диким виноградом на улице Камо в Тбилиси, фуникулер на горе Мтацминда и оттуда, с горы Солнца, всю огромную с востока на запад и с севера

на юг Страну... Страну моего спасенного детства и нашей с вами спасенной жизни... И сегодня, когда этой страны уже нет, когда на ее огромном прекрасном теле то здесь, то там появляются так называемые «горячие точки», в которых ручьями льется человеческая кровь, мне хочется криком кричать словами Владимира Высоцкого:

*Проложите, проложите вы тоннель по дну реки
И к друг другу приходите на вино и шашлыки.
Захватчу с собой гитару, подтяну на ней колки,
Но сначала затупите ваши острые клыки».*

Актуальней не скажешь и сегодня.

ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР ЕЛЕНА ХЕЧИНОВА

■ Александр КАЛАНТАРОВ

У этой женщины такая яркая судьба, что фильм о ней был бы захватывающим и напряженным, подобный самым лучшим детективам или боевикам. Хотя в то время, когда жила эта отважная женщина, сама жизнь, каждый ее день был серьезнее и опаснее любого боевика.

...Шла Первая мировая война. 12 ноября 1915 года 186-й Асландузский полк имени Петра Первого при наступлении на местечко Журав попал под сильнейший артиллерийский обстрел. И вот в этой экстремальной ситуации нашелся смельчак, единственный в полку, который не побоялся под шквальным обстрелом влезть на одиноко стоящее дерево и оттуда сообщил точное местоположение неприятеля. Благодаря его четким указаниям был скорректирован ответный огонь. Смелчак был фельдшером-добровольцем по фамилии Цетнерский. Бои продолжались. Ротный командир был ранен на поле боя и фельдшер, делая перевязку, получил ранение осколком тяжелого снаряда. Несмотря на собственное ранение, фельдшер Цетнерский вынес командира с поля боя под сильным артиллерийским огнем. Обоих доставили в госпиталь. Цетнерскому понадобилась операция. И тут выяснилось, что фельдшер... женщина. Это была Елена Константиновна Цебржинская.

По высочайшему повелению императора Елену Константиновну Цебржинскую наградили высшим орденом Империи – Георгиевским крестом 4-й степени. Елена Константиновна стала первой женщиной в России, удостоенной столь высокой чести.

Она родилась на борту парохода, который перевозил спасшихся от резни 1894 года, устроенной турецким султаном Абдул-Гамидом. В Батуми, куда прибыл пароход, девочку зарегистрировали в церковной книге. Отец девочки, Константин Иванович Хечинов, капитан дальнего плавания, оставил семью в Батуми и вернулся в Трапезунд, чтобы продолжать вывозить из турецкого ада своих соотечественников. Мать Елены, полька по происхождению, в конце XIX века была сослана на Кавказ. В 1910 году Елена закончила

Елена Хечинова

курсы акушеров, вышла замуж за военного врача Владислава Цебржинского. Когда разразилась Первая мировая война, его призвали в армию и направили на фронт. Спустя несколько месяцев Хечиновы получили извещение о гибели Владислава...

У Елены было два сына – Арсен и Виктор. Оставив детей на попечении матери, она уговорила знакомого фельдшера Казимира Цетнерского уступить ей документы, заказала мужской костюм и отправилась в Тифлис, где размещалось управление Кавказской армии. Фельдшера Казимира Цетнерского с удовольствием зачисляют на службу. Однако, когда поляк Цетнерский просит направить его в одну из армянских добровольческих дружин, ему резонно отвечают, что в армянские дружины направляют только армян. Фельдшер настаивает, заверяя, что знает армянский не хуже любого армянина. Не помогло добиться желаемого и письмо отца, адресованное одному крупному церковному деятелю. Тот даже рассердился, мол, армянская церковь занимается исключительно армянами... И тут Елена осознает, что допустила промах, но не отступать же. Она

На линии фронта

была из той породы людей, кто не подчиняется ходу событий, а вершит их, кто соотносит свои поступки с высокой целью, которую ставит перед собой.

Цетнерского направляют в кавалерийский отряд первой бригады 20-й пехотной дивизии, которая действовала на Ольгинском направлении. Эта дивизия участвовала в разгроме 1-го Константинопольского корпуса турок, которым командовал немецкий майор Штанке, печально известный «герой» Сарыкамыш. Под командованием русского генерала Геника дивизия готовилась к захвату Артвина. Но, как часто бывает на войне, 20-ю дивизию вдруг снимают с боевых позиций и перебрасывают в Александрополь. Солдаты гадают – пойдём в направлении Эрзерума... В очередной раз судьбе не угодно было благоприятствовать наме-

рениям Казимира Цетнерского – полки и бригады оказываются на Западном фронте.

Стоял октябрь 1915-го, а в ноябре уже доселе неизвестный фельдшер становится самой популярной личностью не только Западного фронта, но и всей России.

После излечения в госпитале прапорщик Елена Хечинова – вновь на фронте. На сей раз в одном из боев на территории Латвии она, будучи раненой, попадает в плен. Шел сентябрь 1917 года. Больше года томится она в германском лагере. Но вот в Германии вспыхнуло восстание, и рабочие распахнули двери барачных для военнопленных. Многие из них рука об руку с германскими рабочими сражаются на баррикадах. Среди них сестра милосердия Елена.

Когда восстание было подавлено, Елене с помощью

германских патриотов удается перебраться в Париж. При активном содействии французских властей формируются из добровольцев-соотечественников полки и дивизии на подмогу Пилсудскому. Теперь, чтобы перебраться в Россию, Елена Хечинова вновь превращается в Казимира Цетнерского... В июне 1920 года Двенадцатая Красная Армия освобождает Киев и выходит к Бугу. Здесь, в расположении 24-й Железной дивизии, появляется польский санитарный батальон во главе с паном Цетнерским и просит красное командование зачислить его в состав прославленной дивизии.

В октябре 1920 года было достигнуто перемирие. Начинается обмен военнопленными. Подпоручик польской армии Казимир Цетнерский вновь превращается в Елену Хечинову.

ву. Советский Красный Крест в составе своей комиссии направляет ее в Польшу для организации отправки советских военнопленных на Родину. Задание выполнено: эшелоны с советскими военнопленными уходят в Россию. На дворе уже 1921 год. Пора и самой вернуться в отчий дом, который она покинула в сентябре 1914-го. Но не суждена была ей эта радость: польская контрразведка арестовала подпоручика Цетнерского за добровольный переход на сторону противника и передала его военному трибуналу. «О каком подпоручике Цетнерском идет речь?» – недоумевает суд. Здесь явное недоразумение: перед нами стоит... мадам Хечинова, офицер бывшей царской армии, кавалер Георгиевского Креста. Газеты злорадствуют, издаваясь над «всезнающей» контрразведкой. Шумиха, поднятая газетами, доходит до «погибшего героической смертью на поле брани доктора Цебржинского». Да, это тот самый Владислав, которого Елена оплакивала еще в начале войны. «Воскреснув из мертвых», он отправился в Батум, погоревал о пропавшей на войне супруге и, забрав детей, вернулся в Варшаву, откуда 20 лет тому назад был сослан на Кавказ.

Когда в зал суда вошел Владислав с двумя сыновьями и те бросились к подсудимой с криками «мама, мама», выдавшие виды польские чиновники не могли сдержать слез. Елена вышла на свободу, но вторично потеряла мужа, ибо он, считая ее погибшей, обрел новую семью. Как быть? Все решили сыновья – они ушли к матери. Однако контрразведка распорядилась не давать Хечиновой визы для выезда на родину. Таким образом, Елена осталась в Польше. Она работала и воспитывала детей.

В начале 1939 года Арсен и Виктор уезжают во Францию и поступают в летную школу. Елена остается с дочерью от второго брака, Ирэн. В сентябре

Германия напала на Польшу. Это было начало Второй мировой войны. Фашисты на улицах Варшавы устраивают облавы. Ирэн оказывается в Германии. Тогда Елена надевает черное платье, цепляет на грудь свой боевой орден и отправляется в Германию на поиски своей дочери. Она прошла по всей Германии, разыскивая дочь, каким-то чудом нашла ее и вызволила. Возможно, на немцев произвел магическое воздействие ее Георгиевский Крест...

Елена Константиновна вместе с дочерью пробирается во Францию, где, как она уверена, Арсен и Виктор сражаются с фашистами. Шел 1944 год.

Елена Константиновна в госпитале ВВС Франции. Здесь она от раненого английского летчика узнает о судьбе своего старшего сына Арсена.

После капитуляции Франции Арсен и Виктор переезжают в Лондон и примыкают к генералу Шарлю де Голлю. В бою над территорией Франции погибает Арсен. Виктор продолжает сражаться. Советские танки уже на улицах Берлина – до конца войны совсем немного. В одном из боев немцы подбили самолет Виктора, и он, не дотянув до материка, рухнул в пролив Ла-Манш, о котором его дед – капитан дальнего плавания – так много рассказывал ему в детстве...

Война закончена, но народы Земли не забывают тех, кто ценою своей жизни отстаивал счастье людей. По поручению генерала де Голля разыскивают Елену Константиновну. Весь в шрамах, однорукий капитан ВВС Франции опускается на колени перед матерью, подарившей Сопrotивлению двух сыновей, двух бесстрашных асов. Кипитан передает Хечиновой личное соболезнование Президента и предлагает посетить символическую братскую могилу летчиков. «Извините, мадам, орлы умирают в небесах...», – произносит капитан. Ирэн в ответ с гордостью отвечает: «Знаете ли, месье, перед

Елена Хечинова

вами не просто старая женщина, мать двух героев-летчиков, а настоящая героиня той войны, когда русские и французы также плечом к плечу воевали с богами...».

Несмотря на протесты матери, Ирэн находит орден и прикрепляет его к груди Елены Константиновны.

Капитан всматривается в незнакомый орден и с чувством произносит:

«Мадам, мадмуазель, есть на моей родине, в Бургундии, пословица: орлица приносит только орлов. Мой генерал будет поражен. Честь имею, мадам, честь имею, мадмуазель!»

Елена Константиновна умерла в 1965 году.

В Грузии, в городе Гори живет Елена Хачатурова, названная в честь героини. Это она, Елена Хечинова, выхватила из рук турецкого солдата трехлетнюю раненую девочку, вывела ее в лазарет и передала обезумевшей от горя матери, назвав себя на прощанье Еленой... Доброе дело надолго остается в памяти людской...

Сергей Федотов

ПЕРМСКИЙ ТЕАТР «У МОСТА» В ТБИЛИСИ

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

В Тбилиси, на сцене Свободного театра, прошли гастроли Пермского театра «У Моста». Это уже вторая встреча тбилисского зрителя со знаменитым коллективом, возглавляемым Сергеем Федотовым. В этот раз театр из Перми показал два спектакля: «Зурикела» по мотивам произведения Нодара Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион» в постановке грузинского режиссера Вахтанга Николава (напомним, что «У Моста» не так давно привозил в Тбилиси еще одну свою «грузинскую» постановку – спектакль «Ханума» А. Цагарели) и «Сиротливый Запад» Мартина МакДонаха – его поставил Сергей Федотов. Оба спектакля очень тепло приняли зрители. Наполненный светлыми эмоциями, лирико-драматический «Зурикела», посвященный семейно-нравственным ценностям, дошел до сердца каждого. Актеры игра-

«Сиротливый Запад»

Сцены из спектакля «Калека с Инишмана»

ют искренне и просто, легко находя общий язык с обаятельными и чистыми героями Думбадзе. На фоне тотального дефицита в современном мире не только взаимопонимания, но и способности к состраданию и деятельному участию одного человека в судьбе другого (сейчас в моде термин «эмпатия», то есть «осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека»), оказавшегося в беде, эта постановка В. Николава стала своего рода уроком добра и любви.

О том же, но «от противного» – спектакль «Сиротливый Запад», в котором как раз и показано апокалиптическое разрушение семейно-нравственных связей и отношений, агрессия НЕЛЮБВИ.

Тбилисский зритель уже видел спектакль пермяков, в основе которого – пьеса МакДонаха «Калека с Инишмана». Первое впечатление от «Калеки» было почти шоковое – на сцене жили грубые, неприятные существа. Какие-то нравственные калеки, говорившие на странном языке и совершавшие такие же странные поступки. Это ужасало, смешило

и будоражило одновременно. Хотя потом, за всем этим реально-абсурдным действием, открывался глубокий гуманистический посыл «Калека с Инишмана» в интерпретации Сергея Федотова.

Режиссер удивительным образом находит ключ к сложной драматургии великого МакДонаха. Удивительным – потому что абсолютно ирландские истории умеет сделать понятными всем. При этом на сцене действуют,

живут, любят и ненавидят настоящие ирландцы, никак не адаптированные к русской или какой-либо другой реальности. Как это удается Сергею Федотову – загадка. Но режиссерскую планку он задает самую высокую. Она проявляется в каждом мгновении насыщенного актерского существования (потрясающие актерские работы Владимира Ильина – Коулмена и Василия Скиданова – Вален), в каждой

Сцены из спектакля «Сиротливый Запад»

мизансцене, в каждой детали. Секрет успеха, наверное, в том, что актеры, направляемые мудрым режиссером, проникают в самую суть, зерно пьесы Мак-Донаха. А когда играешь суть, то тайна, оставаясь тайной, приближается к тебе так близко, что ты ощущаешь ее дыхание...

Классический психологизм с элементами сарказма и гротеска – именно в этой стилистике поставлен спектакль «Сиротливый Запад» – позволяет разгадать причинно-следственные связи между событиями пьесы и отношениями страшных и одновременно несчастных героев Мак-Донаха, воспитанных и существующих в затхлой атмосфере убогой провинции. Это смертельная схватка двух братьев – классическая коллизия всемирной литературы и всемирной истории (или

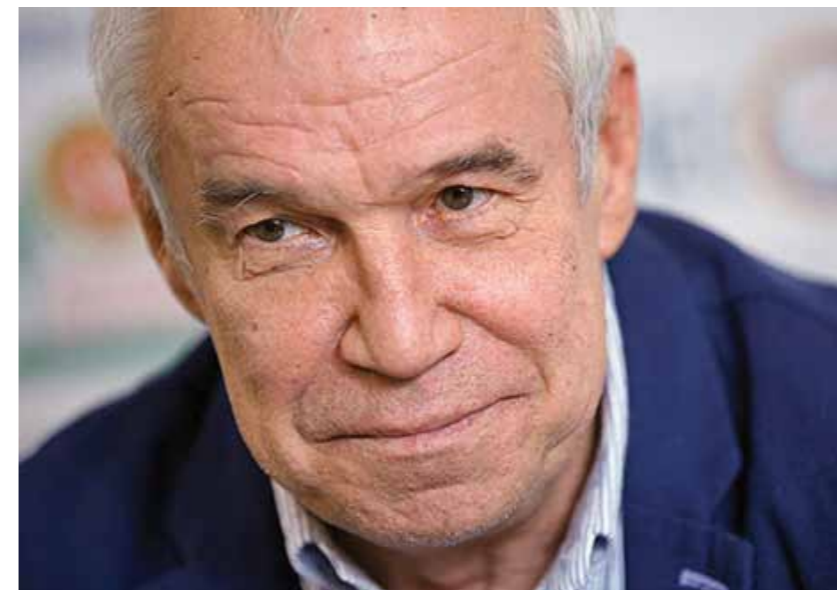
сюжет почти библейской притчи). История за гранью добра и зла, «чернуха» ирландского разлива, которая просто не может иметь примиряющего финала. Актеры, играющие двух братьев, ни на секунду не дают зрителям расслабиться. Напряжение нарастает с каждым эпизодом. Казалось, нет того зла в отношениях, на которое эти двое предельно ожесточенных и вынужденных сосуществовать в одном пространстве человека не были бы способны. Зал буквально замирает, когда Коулмен (перед этим снесший голову папаше из-за пустякового замечания) сгребает дорогие Валену (за молчание о преступлении брата Вален стал единственным наследником убитого отца) статуэтки святых и бросает их в раскаленную (и не менее дорогую брату) газовую плиту... или

когда Вален хватается за нож, чтобы отомстить Коулмену. Таких пограничных ситуаций в спектакле немало.

А главное – ничто не способно остановить это дьявольское безумие. Даже самоубийство и прощальное письмо-завещание отца Уэлша. Своим самопожертвованием он тщетно пытался образумить братьев. И куда уйдешь от библейских аналогий? Как не подумаешь о распятом Христе, принявшем на себя все грехи человеческие? Но многие после этой великой жертвы остались прежними, отчего все христианские конфессии и говорят об ожидаемых Втором пришествии Христа и Страшном суде.

В финале театр «У Моста» предлагает мистическое решение: в полнейшей темноте мы видим над сценой два жутковато мерцающих глаза. В ирландской глубинке, «осиротевшем» и богооставленном Линэне, правят бал черные силы. Вспоминаются американский суперсериал «Твин Пикс» и роман Стивена Кинга «Самое необходимое» – о том, как однажды в глухомани поселился сам дьявол и за короткое время сумел превратить жителей маленького городка в лютых врагов. Дьявол всегда наготове, достаточно человеку сплеховать и поступить вопреки десяти заповедям.

СЕРГЕЙ ГАРМАШ: «Я ВАШ!»

■ **Нина ШАДУРИ**

Слово «гармаш» в переводе с украинского означает «пушкарь, артиллерист». Ну что ж, таков Сергей Гармаш и есть – бомбардир современного театра и кино, всегда попадающий точно в цель. Давно в ходу шутка: «Фильм получился хорошим, несмотря на то, что в нем не снимался Гармаш». Он сыграл более ста пятидесяти ролей в кино и театре. Это единственный актер в истории кино, который на вручении премии «Оскар» в 2007 году оказался причастен сразу к трем номинированным картинам – «Катяни» Анджея Вайды, фильму «12» Никиты Михалкова, мультфильму Александра Петрова «Моя любовь», в котором озвучил одного из героев.

Сергей Гармаш приехал в Тбилиси на гастроли со своим родным театром – «Современник». В Грузии Гармаша хорошо знают и очень любят. Его успех в роли Лопухина в «Вишневом саде» на сцене Грибоедовского театра был огромен. На поклонне, когда на авансцену выходил Гармаш, рукоплещущий зал взрывался единодушным «ооооооо!». И аплодировал еще сильнее.

Тбилисцы получили от Сергея Гармаша подарок – мастер-класс в Университете театра и

кино имени Руставели. Это был МАСТЕР-класс. Или даже так: класс Мастера.

На интервью Сергей Леонидович согласился не сразу. Присмотрелся к корреспонденту, просмотрел несколько номеров журнала, подумал-подумал и только потом назначил время и место встречи. Наша беседа стала единственным интервью, которое артист дал в Тбилиси в дни гастролей.

– Вам хочется эксклюзива? Вот вам эксклюзив. Поехали, я ваш.

– **Давайте поговорим о вашей биографии в кино. Как вам работало с четырьмя «китами» – Вадимом Абдрашитовым, Сергеем Соловьевым, Никитой Михалковым, Станиславом Говорухиным?**

– Вы предлагаете очень хороший «коктейль». Это совершенно потрясающие четыре режиссера. Всех я очень люблю, хотя и работал с ними разное количество времени. Самый первый в этом списке – Абдрашитов, хотя до него у меня произошел мистический случай с Соловьевым. В самом начале 1987 года меня вызвали на пробы на картину «Чужая Белая и Рябой». Соловьев был очень популярен – он

как раз снял «Ассу», работал с Курехиным... Я прочитал сценарий, он был потрясающий. Мы встретились на Мосфильме. Он привел меня в какую-то примерную, посадил напротив, стал фотографировать – он любит делать это сам. Сделал несколько снимков, опустил фотоаппарат и после паузы сказал: «Эх, был бы ты на 15 лет моложе! Иди, тебе позвонят». Я ушел, ничего не поняв. Прошло месяца полтора. Иду по Мосфильму, и мимо меня проносится пацан. Вдруг он затормозил, проехавшись по паркету, вернулся и говорит: «Здрасьте! А я буду вас играть в кино!». Я смотрю на него и вижу свой детский портрет. В первом варианте сценарий заканчивался так: пацан оказывается взрослым человеком на космической станции, и спускаемый аппарат падает туда, где он в детстве ловил голубей, на заброшенный завод. Нас не пустили снимать в Центр подготовки космонавтов, и мы на Мосфильме с великим оператором Юрием Клименко снимали межпланетную станцию. С невероятным трудом, в очень маленьком пространстве. Я в костюме космонавта изображал невесомость, надо мной летала книжка Чехова. Другие времена, старые технологии. В итоге – все улетело в корзину. Все! Соловьев переписал сценарий, и от моей роли в фильме осталась только фамилия. Фамилия в титрах есть, а в картине меня нет. Потом в течение, наверное, лет 15-ти каждая моя встреча с Соловьевым сопровождалась его словами: «Привет, Гармаш! Я тебя обязательно должен снять». В какой-то момент это меня стало даже задевать. Вдруг однажды летом выхожу после «Вишневого сада» – на служебном входе стоит Соловьев. Говорит классные слова – про спектакль, про меня. «На вахте лежит сценарий. Проб не будет. Если ты согласен – давай снимать». Это был сценарий «Нежного возраста». За эту роль я получил первую «Нику». Дело, конечно, не в «Нике». А в том, что я не могу рассказать, что такое режиссура Соловьева. Ее как бы нет. До команды «мотор» оста-

«Вишневый сад»

ется совсем немного времени, а он рассказывает какие-то случаи. Потом говорит: «Сейчас будем снимать твой важный монолог». И снова – разговоры о чем-то постороннем. На «Анне Карениной» он показывал мизансцену и рассказывал содержание кадра: входишь отсюда, встаешь сюда, берешь мелок, смотришь на нее... И все! У меня было такое ощущение, как будто мы с Соловьевым все уже отрепетировали – когда-то раньше. Понимаете, его словно ничего не волнует. Я не помню, чтобы он мне делал замечания. Они, конечно, были, но какие-то неуловимые.

– А почему не было замечаний? Он вам доверяет?

– Он выбирает такую команду и создает такую атмосферу, где замечания как будто и не нужны... Кстати, посмотрите на его фильмографию – никогда нельзя предугадать, каким будет его следующий фильм. Он очень плохо предсказуем. Во всем. Предсказуемость хороша для МЧС, но не для режиссера.

Вадим Абдрашитов (работа с ним случилась до «Нежного возраста») – это совсем другая история. Я снимался у него в картинах «Армавир» и «Время танцора». Он тоже, безусловно, выбирает те лица и ту команду, которые ему нужны. Абдрашитов всегда рассказывает о своем персонаже в третьем лице. И

мне казалось, что Иван, которого я играл в «Танцоре», сидит где-то рядом с нами, а мы про него говорим, соображаем, как его одеть, чем напитать его мозг... У Абдрашитова с актерской инициативой дело обстоит сложно. Она не исключается, но должна точно попасть в замысел. Он видит всю картину сразу, целиком – она у него уже снята в голове. Он четко знает, что именно ему нужно – как должна быть сыграна сцена, на каком градусе эмоций... И сценарий Александра Миндадзе, а это всегда особый текст, тоже не предполагает вмешательства. Абдрашитов умеет создать из группы дружескую команду. Каким-то непонятным образом он всех – не только актеров, но и всю съемочную группу – очень сдруживал, соединял. Все, кто снимается у Абдрашитова, в него влюблены. Это однозначно – он в себя влюбляет. Сидя около камеры и глядя на сцену, которую снимает, он до такой степени находится внутри сцены, что помогает тебе таким отношением...

Станислав Говорухин – самый трудный для моего рассказа режиссер, поскольку я его режиссуры не видел вообще. В картине «Ворошиловский стрелок» у меня было два съемочных дня, а в «Конце прекрасной эпохи» – один. Когда я сыграл первый дубль в «Ворошиловском стрелке» – сцену допроса с Лешей Макаровым и Маратом Башаро-

вым, Говорухин сказал: «Вот вам пример того, как нужно относиться к роли». Он имел в виду, что я знаю текст и сыграл с первого дубля. И все. Поправки были географического порядка – сядь левее, стань правее... Инициатива актерская была. В «Конце прекрасной эпохи», в сцене, где я водку достаю из сейфа, в одном из дублей, не предупреждая Говорухина, в ответ на реплику Довлатова «Вы не боитесь?», я сказал: «Кто съит, тот тонет». Этого текста в сценарии не было. Говорухин за камерой упал от смеха – ему очень понравилось. Но он взял и вырезал эту фразу.

– Вот тебе раз!

– Да, что-то его смутило, не знаю. Хотя он очень смеялся.

– Как вам работало с Михалковым?

– Если я с кем-то в кино и репетировал, так это с Никитой Михалковым на картине «12». Мы репетировали полных восемь смен.

– Говорят, что у него именно такой метод.

– Не знаю. На «Утомленных солнцем-2» такого не было. А в «12» мы репетировали и разбирали текст так, как это делают в театре. Вообще, когда у меня роль большая, я ее переписываю от руки в тетрадь и практически всю целиком знаю наизусть. И на съемках «12» у меня тоже была тетрадка с ролью. Надо мной кто-то подсмеивался, подшучивал... Случился такой эпизод. Снимали большой монолог Маковецкого, после которого по сценарию следует мой «взрыв»: «Да что вы, в самом деле, посмотрите, поехали в Москву...» и так далее. Репетировали именно этот монолог. В конце монолога следовала команда «стоп». Одна репетиция, вторая. Съемка. Маковецкий договорил. А команды «стоп» нет. Нет и нет. И я попер свой текст: «Да что вы в самом деле...». И его сняли до конца. Никита показал мне большой палец. Мы с ним не сговаривались, просто он не сказал «стоп», я начал свой монолог, и он был снят. Прошло

время, мы приблизились к финалу. Я понимал, что мой главный монолог про сына будут снимать завтра. И вдруг Никита при всех говорит: «Твой монолог снимем без репетиций». – «Ничего себе! У Миши Ефремова такой маленький текст, вы с ним полсмены репетировали, а тут – на тебе!» – «А тебе что, слабо, да?» – «Это провокация, при чем тут слабо?» – «Да нет, нет, я просто так спросил. Ты же текст знаешь? Я просто так». Дело близится к обеду. Он снова меня спрашивает: «Ты текст монолога знаешь?» – «Знаю, но я не думал, что это снимается сегодня». – «Да нет, не сегодня».

– Вы, наверное, начали нервничать?

– Нет, но что-то предчувствовал. Наступает вторая половина смены. Должны снимать разные детали, крупные планы. Вдруг Михалков говорит в микрофон: «Послушайте меня внимательно. Я очень прошу всех соблюдать гробовую тишину до команды «мотор». Сережа, иди сюда». Он кладет микрофон, обнимает меня, ведет в какой-то угол и начинает рассказывать длинную историю, как они на съемках три дня ждали дождя, не могли дожидаться, решили снимать без дождя, а потом дождь пошел. Я не могу понять, к чему это. Потом начинает рассказывать какой-то анекдот – ни к селу, ни к городу. А потом вдруг говорит: «Мне нужно, чтобы ты во время монолога все время курил. А у меня еще случай был...» И опять рассказывает какой-то случай – вразрез, ни о чем, никак не связанный ни с моим монологом, ни со съемкой! Потом говорит: «Хочешь, на улицу выйдем?» – «Зачем?» – «Просто так». – «Ну, давайте выйдем». – «Если ты что-то из текста забудешь, не волнуйся, ты же историю знаешь, иди дальше». Все это длилось минут 20. Я не помню, как он привел меня в павильон, как усадил... Камера уже стояла на рельсах, все было готово к съемке. Когда все приготовили? Не помню, не знаю. Михалков обнял меня сзади и тихонько сказал на ухо: «Давай-

давай, закуривай». Я закурил. «Мотор...» В самом конце дубля я боковым зрением увидел Михалкова: оказалось, весь дубль он не сидел у монитора, а шел рядом с камерой, согнувшись. Он спросил: «Тебе нужен дубль?» – «А вам?» – «Нет». – «Значит, и мне нет».

– Вы не посмотрели свой дубль на мониторе?

– Я единственный из картины «12», кто никогда не подходил к монитору. Вообще никогда не смотрю отснятый дубль. У меня есть собственные убеждения на этот счет. Уверен, что монитор обманет и все испортит. Я начал сниматься, когда мониторов не было, и верю не в мониторы, а в другие вещи.

– А как вы относитесь к своему изображению?

– Это вообще очень интересный вопрос. Поставь сейчас любого человека перед камерой, сними, и он будет спокойно смотреть на себя на экране. Почему? Потому что современный 17-летний мальчик видит себя на видео с двухлетнего возраста. А когда ты впервые видишь себя в кино в 26 лет, поверьте, это очень сильный психологический шок. Когда режиссер Симонов перед первым съемочным днем показал нам пробы к фильму «Отряд», мне стало плохо, и я сказал своему партнеру Саше Феклистову, что больше никогда не буду сниматься в кино. Он ответил: «Я тоже». Там, на экране, не ты,

не ты! И голос не твой, и жесты, и мимика не твои! Экран – не зеркало. Это магия линзы, объектива. Поэтому я к монитору не подхожу... Вот так был снят мой монолог в фильме «12». Михалков задурил мне голову. Зашаманил. Взял своими руками, как инструмент, и настроил так, как ему было нужно.

– Получается, вы там ничего не играли? Все Михалков в вас вложил?

– Что значит – не играл?!

– Ну, простите, это я специально.

– Понимаете, иногда в кино бывают моменты, когда я прошу – дайте мне минуту. Если я чувствую, что у меня не совсем получается или я не очень готов. Такое не часто бывает, но может быть. А тут – всю подготовку взял на себя Михалков. Он наладил меня, настроил, подкрутил колки. И инструмент заиграл. Но заиграл так, как может играть именно этот инструмент... Вот о чем еще я хочу вам рассказать. Бывают моменты, которые напрямую с тобой не связаны, но оказывают огромное влияние. Помню, во время съемок фильма «Катынь» мы снимали сцену непростого разговора с героиней. Сняли один или два дубля. Подошел режиссер картины Анджей Вайда, тихонько, очень интимно стал делать небольшие замечания мне, актрисе, словно штрихи добавлял к картинке. Потом посмотрел по сторонам

Мастер-класс в Университете театра и кино

Кадр из фильма «Край»

и вдруг говорит: «Кто красил эту дверь? Она очень светлая. Где краска? Принесите». Не раздраженно говорил, очень спокойно. Взял кисть, начал красить дверь. Приговаривал: «Вот так лучше». Снова красил. Молчал. Говорил. Красил. Потом остановился, подошел ко мне и сказал: «После ее слов паузу сделай в два раза дольше. Все, поехали, мотор!» Понимаете, он не дверь красил. Он думал о сцене. Когда наблюдаешь такую режиссуру, то понимаешь, что это особый момент твоей жизни.

– Как вы работаете над ролью? Изучаете текст, поднимаете дополнительную литературу?

– Работа с текстом – общее место, если снимаешься в сериалах. Я не бросаю камень в жанр как таковой, но большинство сериалов, к сожалению, начинают снимать по сценариям, сделанным лишь наполовину, а то и меньше. Иногда история неплохая, но с точки зрения диалогов – никакая. И твой съемочный день начинается с того, что ты садишься (хорошо еще, если вместе с режиссером!) и начинаешь адаптировать текст. Чтобы он звучал – для начала, по крайней мере, – грамотно и убедительно. Если представить себе идеальную ситуацию работы над ролью – то это не работа с текстом. Это... (после долгой паузы). Это

по-разному.

– Например?

– Например, мне очень понравилось предложение режиссера Снежкина сыграть Козыря-Лешко в сериале «Белая гвардия». Это единственная роль в моей жизни, которую я сыграл на украинском языке, который знаю с детства. Меня вызвали на примерку костюма, и он мне катастрофически не понравился. Катастрофически! Какой-то жупан, петлюровская форма с длинной шапкой. Художником по костюмам была великая, не побоюсь этого слова, Татьяна Патрахальцева. И она мне сказала на примерке – вижу, тебе не нравится. Снежкин – человек очень импульсивный, взрывчатый, интеллигентно-грубый, любит быть на площадке «режиссером с показом» – чтобы это видела и слышала вся площадка. Он в этом случае мог сказать – все, не разговаривать, будет этот костюм, и точка. Но Снежкин отнесся с пониманием. И я попросил Татьяну: хочу короткий полушубок, чуть отороченный мехом, с воротником-стойкой и очень красивые сапоги. Она мне: я тебя поняла, хорошо. В итоге, когда я приехал в следующий раз, и она меня одела, я уже знал, как играть. На этом работа над ролью закончилась. Бывает и так.

– Тогда вас можно назвать

гениальным животным в профессии.

– Мне не нужно слово «гениальный». Гениальны Пушкин и Моцарт, понимаете? Я помню, как на похоронах Ролана Быкова то ли Армен Медведев, то ли Михаил Ульянов (точно – один из этих двоих) сказал: «Мы так вольно и так часто стали пользоваться словом «великий», что забыли: строй великих очень невелик».

– Есть ли в этом невеликом строю актеры, который лично вам очень по душе?

– Безусловно! Я сразу назову Олега Янковского и Богдана Ступку. У нас никогда не будет ни второго Ступки, ни второго Янковского. Просто не будет, и все. Не будет второго Олега Даля, с которым я никогда не снимался. У Янковского есть картины, которые не являются произведением киноискусства, но и в этих картинах Янковский остается гениальным Янковским. Как и Ступка. И Даль. Понимаете? Я помню, у нас со Ступкой в картине «Свои» был кадр: он стоял спиной, я за ним. Он медленно поворачивался, смотрел куда-то мимо меня, я видел его лицо, и у меня мелькала мысль, что его магнитное поле захватывает меня. Это было такое обнажение нервной системы во время кадра – как будто они расстигивали на своей душе молнию.

– Какое чувство вы испытываете, глядя на работу таких мастеров? Восхищение, азарт? Или, как у Пушкина, это «зависть, сестра соревнования, следовательно, хорошего роду»?

– Ну, я не удивлюсь, если у Пушкина найдется что-то совсем противоположное по поводу зависти.

– Верно, «Моцарт и Сальери».

– Гениальность связана с неким предвидением. Мне повезло – я втащил в картину «Троцкий» кусок из Достоевского. В сценарии этого не было. Я позвонил продюсеру Цекало и попросил разрешения. Он связался со сце-

наристом, и тот согласился. Я знаю эту цитату наизусть, вычитал когда-то в «Дневниках» Достоевского. Послушайте: «И вот, в XXI столетии, при всеобщем реве ликующей толпы, блузник с сапожным ножом в руке поднимается по лестнице к чудному лику Сикстинской Мадонны, и раздерит этот лик во имя всеобщего равенства и братства». Это Достоевский пишет в середине XIX века! А теперь посмотрите, что происходит в начале XXI столетия? А у Пушкина... Я однажды так смеялся... В советские времена мы не знали слова «фуршет». У нас были застолья. Помните?

– Помню, конечно.

– У нас были или банкет, или сабантуй, или застолье. Так вот, Пушкин в письме Вяземскому пишет: «Веселятся до упаду и в стойку, то есть на раутах, которые входят здесь в большую моду».

– Ха, в стойку!

– В стойку. То есть стоя. И дальше: «Ходишь по ногам, как по ковру, извиняешься – вот уже и замена разговору». Абсолютная модель того, что собой являются наши фуршеты.

А что касается чувств, которые я испытываю глядя на работы великих... Удовольствие – да, безусловно. Есть картины, которые я смотрел сто раз, но начну плакать. Я не знаю, сколько раз в своей жизни я включал сцену из «Крестного отца», в которой Аль Пачино не произносит ни одного слова. Смотрел и думал – как же он, гад, это делает? Как?! До сих пор не знаю. Не знаю! Но смотреть за этим – больше чем удовольствие. Это учеба и достижение.

– Мне говорили, что у актеров это высшая похвала: «не знаю, как он это делает».

– Да, это так. Аль Пачино сидит молча, неподвижно, спокойно, потом идет в туалет за пистолетом, возвращается и совершает свое первое убийство. Из него, молчащего, выходит столько текста и столько мысли, что ты ви-

дишь, о чем он думает, как он думает и как он напряжен. Это пик актерского мастерства. У меня есть несколько соображений, что нужно делать, чтобы подольше прожить. Одно из этих правил касается также и того, чтобы не стать хуже в профессии: «Уметь абсолютно искренне радоваться победам друзей и коллег».

– А в свод этих правил входит, например, такое – прощать очень сильно тебя обидевших?

– Я умею прощать. Не могу сказать, что прощаю до конца... Слава богу, я с трудом найду в своей жизни такой момент, когда меня кто-то очень сильно обидел. Мне повезло. Но мы – люди, без обид не бывает, и такое тоже было в моей жизни.

– Вас легко обидеть?

– У Ролана Быкова в фильме «Аты-баты, шли солдаты» один из героев, грузин, говорит: «Мужчины не обижаются, мужчины расстраиваются». Мне очень нравится этот текст, он живет во мне. Я вам так скажу. Меня обидел один из близких родственников. Достаточно сильно. Я не могу применить слово «удар», он младше меня. Была горькая обида за бесцельно прожитые взаимоотношения. И тем не менее я с этим чувством борюсь. Потому что с обидой жить нельзя. Я очень часто повторяю – никогда не применяйте по отношению к себе слово «депрессия». Депрессия – это психологическая онкология, это страшное заболевание. Страшное! Ведь никто никогда не говорит – ой, у меня, скорее всего, рак. Потому что мы боимся произносить это страшное слово. В себе нельзя носить ни страшных слов, ни страшных чувств.

– Еще одно правило от Гармаша – выбирайте слова.

– Да. Нельзя в себе хранить отрицательные эмоции. Бывает и у меня плохое настроение. Напряженное. Ленивое. Я с этим не то что борюсь – просто стараюсь выставить за дверь. Стараюсь на что-то переключиться, порой даже искусственно, через силу.

С супругой и сыном Ваней. Фото Елены Суховой

Я люблю жить весело, могу быть шутиль и весел не по годам. Как говорила Коко Шанель, после 50-ти только мужчина знает, сколько ему лет. Порой гляжу на себя в зеркало – боже мой, старый дедушка! И тут же отгоняю эти слова. Потому что часто могу чувствовать себя мальчишкой, готовым уцепиться за заднюю лестницу троллейбуса и прокатиться!

– Сергей Леонидович, невероятно – взгляните в зеркало, да вы сейчас сбросили лет 20! (это чистая правда, произвел какой-то визуальный фокус, и Гармаш помолодел на глазах – Н.Ш.). Ах, как жаль, что мы это не снимаем!

– Я вам так скажу. Если бы вы в начале разговора задали мне вопрос типа «вы были рады, когда Михалков утвердил вас на роль?», я бы сразу закончил такое интервью, и появился бы еще один журналист, который бы подтвердил, что с Гармашем невозможно сделать интервью, что он грубый, резкий и так далее. Но вы заставили меня вытаскивать из памяти такие вещи, которые мне самому интересны. И от этого настроение у меня стало очень хорошим.

В «Белом саду» Ольги Чикиной

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

Российский поэт, музыкант, художник Ольга Чикина, покорившая тбилисскую публику на очередном Международном фестивале авторской песни (организатор МКПС «Русский клуб»), рассказывает о том, что разные сферы ее творческой самореализации – это параллельные миры. Не соглашусь. На взгляд слушателя и зрителя, песни и картины Оли – единый и неделимый метафорический мир, сотканный из снов и яви, прошлого и настоящего, безудержной детской фантазии и реальных впечатлений, размышлений и переживаний. Метафизическое пространство Оли Чикиной наполнено особенными, чистыми, немного наивными, грустными и смешными персонажами «не от мира сего» – Сережа, Летчица, Маруся..., юный герой «Морской песни»; благородными, но странными существами из другой реальности – белыми волками, обречен-

ными танцующими мохнатыми слонами, вымирающими дронтами, всеведущими котами-зерцателями. Это очень хрупкий, уязвимый, тревожный мир, и в то же время он – духовная основа человеческого бытия. «Охранная грамота», если пользоваться определением Бориса Пастернака. В этом смысле одна из наиболее интересных песен Оли Чикиной – «Белый сад». Белый сад – это нечто святое, незыблемое и одновременно эфемерное. В стихах выведен образ деда – с ним молодой герой говорит о звездах и кораблях, их связывает особая внутренняя близость. Несмотря на ирреальность изображаемой ситуации, мифологический дед выступает в качестве главного духовно-нравственного ориентира. «И он сидит меня храня, над ним плывут мои года, над ним плывут мои часы, летят, летят, и если спросите меня, за что ты жизнь готов отдать, скажу, я

жизнь готов отдать за белый сад» – цитата из этого замечательного стихотворения.

Человек смертен, путь его труден, но он смело пускается в свое плавание на корабле навстречу мечтам и испытаниям, ориентируясь по звездам. Годы плывут и плывут... и в конце концов каждый сливается с бесконечной рекой – уходит, а мечты так и остаются «на высоком холме», где «ветер делает счастье из дыма дождей и осенних цветов». И тем не менее, пока человек жив, он должен стоять у штурвала своего корабля.

В своих мелодичных песнях, оказывающих на зрителей почти гипнотическое воздействие, Оля Чикина развивает традиции русского городского фольклора, бард-рока и классической авторской песни. Проживает каждую из них как маленький спектакль, по-актерски перевоплощаясь в образы своих персонажей.

– Как в вашем творчестве сосуществуют поэзия, музыка, графика?

– Для меня это параллельные миры, параллельные жизни. Можно представить себя осьминогом со многими щупальцами – одно короче, другое длиннее. И вот что-то из них картинки и песни. И то, и другое я люблю.

Но песни – это щупальце немного подлиннее. Я вкладываюсь и в то, и в другое, но ощущаю это как параллельности. Они практически не пересекаются, потому что разные... Другие «щупальца» – это обстоятельства жизни, личные, я это тоже включаю. Жизнь – она такая. Нам нужно все – и друзья, и какие-то дела, не связанные с творчеством, путешествия и так далее.

– Авторская песня – это была всегда своя, в общем достаточно ограниченная среда. А сегодня круг тех, кто проявляет интерес к жанру, становится еще уже.

– Я не чувствую этого остро. Потому что езжу по разным фестивалям и наблюдаю такую тенденцию – размывание границ между жанрами, видами песен и т.д. Я сама отнюдь не внутри авторской песни, ощущаю себя бродящей по границам этого жанра. А граница – открытое пространство! Там работают совершенно другие законы и тенденции. Ты ощущаешь ветер откуда-то еще – от фолка, рок-музыки, и творишь на стыке жанров. Сейчас вообще наступили времена стыков, границ. Я считаю, что мои песни – это все-таки симбиоз каких-то совершенно разных жанров и направлений. Культурная игра. Думаю, было бы хорошо, если бы современный сочинитель, даже если он прописан в определенной среде, знал и другую музыку. Столько красоты уже создано в разных жанрах! Ее нужно хорошо знать и любить.

– Известный исследователь авторской песни Андрей Крылов считает, что размывание границ авторской песни убивает жанр как таковой.

– Пока есть любовь к авторской песне, к классике жанра, к тому, что уже создано, говорить об ее исчезновении нельзя. Я езжу по фестивалям, где проводятся детско-юношеские конкурсы. Детишки поют тех же Окуджаву, Галича, Высоцкого! И как они поют – боже мой! Всем сердцем. И пока у нас эти дети есть, я бы не говорила об умирании жанра. Возможно, мы, современные сочинители, виноваты в том, что увлекаемся свежим ветром и не укладываемся в традицию. Но я

думаю, нужны хорошие исполнители авторской песни для того, чтобы было ощущение живой жизни. Есть, например, Роман Ланкин, прекрасно работающий в этом жанре. Вот он поет классиков авторской песни и делает, с одной стороны, совершенно свое, а с другой – очень бережно относится к исполняемому материалу. У Ланкина головокружительный успех у публики! Так что про умирание жанра авторской песни пока говорить рано.

– А как вы пришли к авторской песне?

– Я стала узнавать имена известных бардов достаточно поздно. У меня был виниловый диск Булата Окуджавы – может быть, 80-го года. Темная такая обложка с фотографией Окуджавы. Я купила пластинку на деньги, которые мне дала бабушка со своей пенсии. Помню, как услышала строчку из песни «Я пишу исторический роман» – про «склянку темного стекла из-под импортного пива», и она меня чем-то зацепила. Я тогда училась то ли в шестом, то ли в седьмом классе. У меня еще были пластинки Дольского и Высоцкого. Никаких других я не слышала, потому что росла в маленьком городке. Про какого-то барда Владимира Ланцберга не имела вообще никакого представления. Юлий Ким – ну, это понятно, потому что кино! Так что пришла я в авторскую песню и познакомилась со всеми бардами, когда мне было уже где-то под тридцать. Тогда я встретила и с Владимиром Ланцбергом, и он устроил мне

несколько первых концертов – это было где-то в 1997-98 годах.

– И какими были первые ваши песни?

– Мы все начинаем грустно, жалуясь на жизнь, пишем о неизбежности смерти. Я тоже писала мрачные, меланхоличные стихи и песни. Но чем дольше живешь, тем веселее становишься. Вроде бы нет для этого оснований, а жизнь говорит, что она все-таки счастье сама по себе, подарок. И сокровище это с радостью нужно нести дальше. Это важно. Я считаю, что сейчас у меня, по крайней мере по настроению, спектр песен достаточно широкий.

– Ваши песни – это уникальный мир Ольги Чикиной. Ваша игра. Ваши печали и радости – все. Это целый спектакль, история, наполненная драматизмом, юмором и переданная с подлинным артистизмом. Что вдохновляет, дает толчок фантазии? На одном из концертов в Тбилиси даже красный цвет гитары у вас гармонировал с тоном обуви, а на другом вы предстали уже другой...

– На самом деле импульс чаще всего дают люди. Вернее, какие-то встречи с людьми. Жизнь начинает обретать какой-то смысл только тогда, когда общаешься с окружающими не на бытовом языке, не на языке миссуры и шелухи, а на духовном, высоком морально-нравственном уровне. Люди произносят слова, которые могут изменить тебя и твою жизнь. Со мной такое бывало. В поезде может встре-

Керамика Ольги Чикиной

Иллюстрация к книге Г. Певзнера «Обрывки сна»

тяться такой человек. Да где угодно на самом деле! Но могут быть и варианты. Сейчас я переживаю уход из жизни очень хорошего друга, прекрасного композитора Сергея Труханова – не могу без трепета произнести это имя. Я считаю, что это редкая и драгоценная фигура в авторской песне, и мы еще не оценили его по достоинству. Не все даже знают Сергея Труханова. Думаю, если люди будут слушать Сережины песни, они обогатятся. Возвращаясь к вашему вопросу, могу повторить, что поводом для создания песни всегда становится какое-то коммуникационное приключение.

– Оля, как сохранить свежесть чувств? Ведь острота ощущений с годами утрачивается...

– Мне кажется, первый шаг – осознать, что острота жизни, восприятия мира может притупляться. И обязательно пройти через этот опыт. Нужно пережить эмоциональную тупость и глухоту. Я переживала подобное много раз и считаю, что это очень хороший опыт. Потому что сразу вслед за ним приходит бес-

покойство. Так не должно быть! Жизнь – это радость! Подарок от Бога. Как я могу ее не ценить? Это первый шаг, без него – никуда. А дальше начинается поиск: как же вернуть себе эту остроту чувств? Одни отправляются путешествовать. На какое-то мгновение новый мир тебя немного меняет, освежает, встряхивает. Но, путешествуя, ты понимаешь, что это не то. Что могут быть иные варианты. Можно пить вино, влиять на сознание другими доступными нам способами. Можно слушать музыку, читать литературу и таким образом что-то менять в себе. Но в итоге опять приходишь к тому, что это все не то. На самом деле человек создан способным сомневаться, страдать, познавать. Он идет по трудной, петливой дороге своей судьбы. Человека таким придумали для того, чтобы он мог что-то понять в этой жизни. Ценой многих ошибок... Я себя ощущаю сейчас на этом этапе. А дальше происходит интересное: ты осознаешь, что путешествовать нужно внутри себя. Что это самое главное путешествие, и оно имеет духовную основу. Что главный твой разговор – это попытка диалога с

Богом. Ко мне это пришло вполне естественно. Я бы, наверное, удивилась, если бы в семнадцать лет послушала себя сегодняшнюю. Я была совершенно другой. Сейчас пришла к тому, что нужно много читать, нужно слушать других людей. Причем самых разных. Нужно верить в Бога. Считаю, что неверующие – очень смелые люди. Действительно, надо быть очень мужественным человеком, чтобы ни во что не верить! Я так не могу. Не знаю, как бы я просыпалась утром, если бы не верила в эти тонкие духовные миры. Если бы не верила, что кроме души и тела во мне еще есть дух. И я должна его воспитывать, пестовать в себе. Тогда случается самое важное – открывается огромный мир! И песни и картинки уже не кажутся самым главным. Просто они рождаются по мере того, как ты идешь по этому пути и отмечаешь: с тобой что-то происходит. На пути тебе начинают попадаться совершенно другие люди, и разговоры с ними обретают какой-то иной смысл. Ты кому-то помогаешь. Это тоже так странно, потому что раньше казалось: помощь нужна тебе. А тут понимаешь, что ты сам кому-то помог. Не денежку дал, не накормил-приютил, а словом помог. Когда душа обретает определенное состояние, Господь поддерживает нас, разговаривает с нами событиями. Это – настоящее, что как раз и приносит радость. Высокую радость. Она выше политических разборок, конфликтов, всего страшного. Здесь уже другой воздух, другие воздушные потоки работают, другие отношения возникают.

– А что вам в этом смысле дал город Скопин, где вы родились? Он каким-то образом повлиял на вас?

– Скопин – это маленький патриархальный городок. Всякий раз, когда я туда приезжаю, мне хочется побежать вприпрыжку... Конечно, повлиял. Но я родилась в Советском Союзе, воспитали меня СССР и совершенно советская школа. Считаю, что благодаря школе я получила очень хорошее образование. Просто нормальное среднее образование – история, литература, география... Я прочитала тогда свои первые книги. Жюль Верна, ко-

нечно. Книги, про которые поет в своей песне Высоцкий: «Значит, нужные книги ты в жизни читал». Мне нравились приключения, литература про море. Конечно, как большинство людей, русскую классику в детстве и юности я впитать была не готова, но тоже прочитала все достаточно внимательно. И, конечно, стихи. Я не могу сказать, что мне повезло с каким-то гениальным учителем литературы, но наша базовая программа сама по себе была для меня светоносной и судьбоносной. Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Достоевский, Толстой... Я бы сказала, что это душеобразующие книги.

– А из поэзии что особенно нравилось?

– Я переболела Есениным в десятом классе. Причем таким – «Черный человек», «Пугачев». Прочитала все, что с ним было связано. Я болела им вполне серьезно. Потом как отрезало. Сейчас я отношусь к Есенину довольно ровно, спокойно. Долгое время для меня любимым был

молодой Эдуард Багрицкий. Красивые, романтические и совершенно воздушные его стихи мне очень нравились. Сейчас мне, наверное, опять близок Пушкин. А еще я читаю многих поэтов, которых нам подарил Сергей Труханов. Он был гениальным культуртрегером, у него целый цикл песен на стихи поэтов, которые живут с нами в одно время. Они не такие уж старые – им по 50-55 лет. Мы не знаем их имен, потому что жизнь пошла такая, что вообще не до поэтов. К примеру, умирал Пушкин, и вся Россия плакала. Сейчас умирает какой-то поэт... и мы понимаем: что-то кардинально изменилось, городами о нем никто плакать не будет. Но тем не менее эти поэты есть. И они прекрасно пишут. Я их читаю, благодаря Сергею Труханову слушаю песни на их стихи. Они меня питают. Потому что эти поэты пишут о той же жизни, о том же мире, в котором я живу. Их стихи – концентрированное наше бытие. Можно не глотать километры прозы, а прочитать несколько строк стихотворения

и понять о нашей жизни гораздо больше.

– Бардовская песня – что это? Музыка? Стихи?

– Этот вопрос и не надо решать. Это же не алгебра, не геометрия. Бардовская песня – текучая, плавучая, подвижная культурная среда. Если мы говорим о Сергее Никитине, там и стихи, и музыка. Великолепная музыка! Если говорим о Труханове, это стихи, которые переливаются в музыку, и получается НЕЧТО. И не стихи, и не музыка, а... полет! Это сложный вопрос. Я не считаю, что авторская песня – это стихи под нудную музыку. Так не должно быть: просто взять стихи и что-то там промурлыкать. Подобное не есть суть жанра. Такая тенденция существует, но, слава Богу, это не все в авторской песне.

– Одна из ваших ипостасей – художник-график, автор книжных иллюстраций. Среди ваших работ, которые вы называете картинками, есть серия «Митьки». Как отмечено в Википедии, «Митьки» – «группа художников из Санкт-Петербурга, объединяющая около двух десятков человек и названная по имени одного из них, Дмитрия Шагина, а также субкультура, сформировавшаяся на основе их мировоззренческих принципов, описанных в одноименной книге Владимира Шинкарева». Для этого направления, сформированного в 80-е годы прошлого века, характерен простодушный взгляд на жизнь, стремление показать поэзию и красоту повседневности. Чем близки «Митьки» вам?

– Они никого не хотят победить.

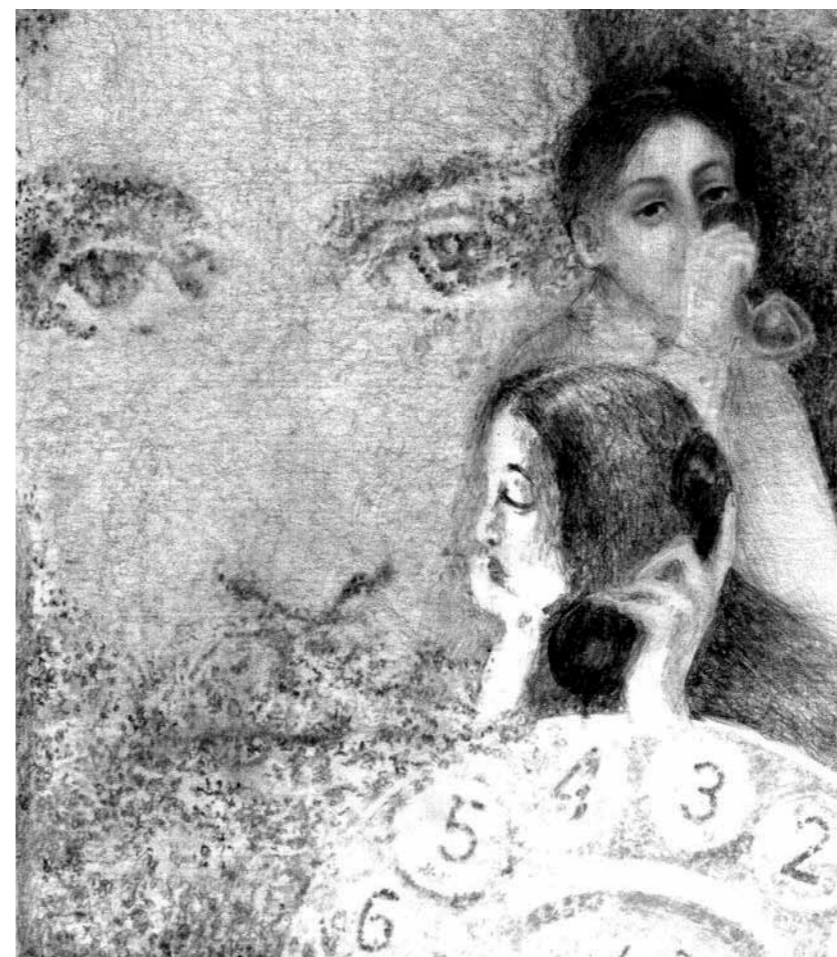
– В каких случаях соглашаетесь иллюстрировать издания?

– Когда не срочно. Я на это смотрю как на приятную, но все же работу, и рассчитываю под нее время. А в остальном – откликаюсь на все.

– А если это категорически не ваше?

– Тем интереснее.

Иллюстрация к «Повестям о Глассах» Джерома Д. Селинджера

Участники фестиваля авторской песни

ПЕСЕННЫЙ ЗВОН

■ Ирина КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ

Фестиваль авторской песни – одна из прекрасных форм существования «Русского клуба». Возможно, лучшая форма! Ничего никому не объяснять, а просто петь. И не гимны, нет. Романтичные, грустные, философские, порой смешные, но искренние авторские песни. И, возможно, пространство очистится от злости.

Ведь что такое авторская песня если не музыка языка, попавшая в резонанс с аккордами гитары. А, как известно, резонанс – явление разрушительное для искусственных конструкций, тем более политических и противоестественных.

Один человек с гитарой и с открытой душой, второй, третий, десятый. И малый зал Грибоедовского театра превращается в гулко и задушевно звучащий колокол! И уже не просто песни, а одиночные удары в колокол – благовест!

Такое случается уже в четвертый раз. Четвертый год подряд барды или, по-русски, исполнители авторской песни из

разных стран собираются в Тбилиси, утверждая, что «им есть, что спеть». И колокол случается!

Много лет назад в него ударили корифеи – Высоцкий, Окуджава, Галич. Тот звон их голосов у нас в ушах до сих пор. И поэтому планка авторской песни очень высока. Особенно для нас, для которых голоса бардов спаялись с нашей юностью в виде огромного всплеска на волнах памяти. Время принесло новых бардов. Дотянутся ли? Что же, рассмотрим звук колокола, если он случится.

В первый день все началось с тихих ударов до полного затухания звука. Чуть-чуть ностальгического нытья, много пионерского детства. Вроде дискотеки для пенсионеров. «Нет, не хочу стареть!» Убежала, не дождав-шись конца.

Во второй день все пошло по нарастающей! Пронзительная реинкарнация Высоцкого на польском у Антония Мурацки. Аж жутко, но звон нарастает!

Прямо в сердце интонации Булата Окуджава на немецком

у Тино Айсбрэннера. Клокочащий в горле французский шансон у литовского гостя Витаса Казлаусаса.

Так ласкают слух чужие языки, в таком унисоне человеческого торжества их звучание, что мне очень не хватает здесь грузинского языка. Недостаточно для барда виртуозно владеть русским языком и писать музыку, надо еще Россию любить.

Достойны удивления женщины-барды – Вафа Мамедова и Ирина Парошина. Мне даже показалось, что нынче их время. То ли ритм времени чувствуют тоньше, то ли музыку из себя выплескивают щедрее, но звонят в колокол сильнее.

И апофеоз фестиваля – российский бард Ольга Чикина. Рыжая бестия со своеобразной детско-скоморошьей манерой исполнения. Поющая, свистящая, отбивающая глубинные ритмы, которые заставляют пульсировать мозг и сердце. Она рассеяла тьму сомнений в наших душах и унесла плачущий светлыми слезами зал в свой «Белый сад».

Вот так светло и мощно должны звучать голоса мира, чтобы очищать и исцелять пространство прекрасным песенным звоном.

ДЕРЕВЯННЫЙ ЧЕЛОВЕК

■ Анастасия ЭРИСТАВИ

В «Саквож...», дорогие читатели, иногда попадают самые необычные, но вместе с тем интересные факты и сведения. Причем из разных стран. На этот раз мы отправимся в Италию. Однако перед тем, как рассказать об одной истории, скажу о ценности писем, открыток, дневников и записных книжек. То есть всего того, что в век диктатуры интернета, мобильных телефонов, смартфонов, планшетов, скайпа исчезает, практически перестает существовать. Трудно, нет, невозможно представить себе, что мы могли бы лишиться возможности читать письма Пушкина, Чехова, Ван Гога, дневники братьев Гонкур,

записные книжки Ильфа и т.д. и т.д. А ныне – интересно, как будут литературоведы собирать сведения о современных знаменитостях, какие смс-ки удаст-ся наскрести. Вот разве что блог-и в социальных сетях... Да, но не все ведь отмечаются таким образом.

Между тем история, о которой пойдет наш рассказ, приобрела достоверность именно на основе письма, которое датируется серединой XIX века. Семья, в которой хранится это письмо, считает каждую записку, обрывок конверта, листки с инициалами – исторической ценностью. И это абсолютно оправданно. Потому что за каж-

дым подобным письмом действительно стоит история того времени и той эпохи.

МАЛЕНЬКИЙ БАРАБАНЩИК

В 1790 году в бедной семье Санчесов появился мальчик. В небогатых семьях не очень-то умеют умиляться младенцам, тем более в то время, когда из трех детей выживал один. Этот выжил. Но рос плохо. Так плохо, что года три спустя стало ясно: карлик. А назвали его Пиноккио – на тосканском диалекте «сосновый орешек». Пиноккио действительно оказался крепким орешком: в мальчишеских играх умел постоять за себя и давал отпор тем, кто над ним подшучивал и издевался. Более того – в 18 лет Пиноккио Санчес пошел в армию, на войну, (Италия в тот период отстаивала свою независимость) и стал полковым барабанщиком.

А теперь покинем на время маленького барабанщика, тем более что до возвращения в родную Флоренцию ему еще предстоит служить в армии 15 лет. И отправимся в 2001 год. Группа американских археологов с итальянскими коллегами проводили раскопки в окрестностях Флоренции и Пизы. В один из дней археологи решили посетить кладбище при церкви Сан-Миниато-аль-Монте. Их внимание привлекла могильная плита Лоренцини, на которой было указано, что он известен под псевдонимом Карло Коллоди как автор знаменитой во всем мире сказки «Приключения Пиноккио: история деревянной куклы».

Наверняка они постояли у могилы, вспомнив свои детские впечатления от прочитанной книги. Затем продолжили осмотр кладбища. И совсем недалеко увидели надгробие, на котором было начертано «Пиноккио Санчес, 1790-1834». Ученые мужи решили, что это не может быть совпадением, это знак, требующий самого тщательного расследования. А вдруг рядом

Карло Коллоди

с Коллоди похоронен прототип его знаменитой сказки? Прототип, о котором литературоведению неизвестно? И вдруг он в самом деле имеет что-то общее с деревянным героем знаменитой сказки? А вы, дорогие читатели, конечно, догадались, что речь идет о любимом персонаже сказки Карло Коллоди Пиноккио, который в талантливом пересказе Алексея Толстого на русском языке обрел имя Буратино. Но это совсем другая история.

А пока вернемся к реальному герою нашего рассказа Пиноккио Санчесу, который вернулся с войны искалеченным до такой степени, что его можно было назвать не человеком, а обрубок. Во время военных учений в горах Санчес сорвался со скалы, переломал обе ноги и раздробил нос. Но выжил. По рассказам, дошедшим из той далекой поры, во Флоренции в то время жил необыкновенный медик Карло Бестульджи. Он сделал своему необычному пациенту не только деревянные протезы для ног, но даже деревянную вставку вместо носа. Судьба этого деревянного человека была не только сложной, но и печальной. Он не мог най-

ти работу. Голодал. Никого из родных у него не было. Деньги после демобилизации из армии кончились. Соседи, как могли, его подкармливали, но и у них порой не было не то что лишней, необходимой для нормального существования еды.

Как-то Санчес отправился на рынок в надежде найти кусок хлеба. И нашел здесь не только кусок хлеба, но и... зарплату. Его взяли в балаган, потому что в те времена большой популярностью пользовались люди с необычной внешностью: деревянный человек мог принести прибыль владельцу этого цирка. Он действительно стал звездой циркового искусства: толпы зри-

телей собирались посмотреть на деревянное чудо – маленького человечка, который выделывал самые разные трюки. До самой смерти Пиноккио работал здесь. И смерть свою он нашел здесь же, разбившись во время очередного трюка. Трагичная, совсем не сказочная история.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА НАЙДЕНЫ

Для истории литературы все имеет значение. А уж тех, кто находит реального прототипа одного из самых популярных произведений литературы, ждет и слава, и признание, и благодарность читателей. Поэтому вернемся к нашим археологам,

Пиноккио. Кинокомпания Уолта Диснея

которым интуиция подсказала, что в могиле Пиноккио Санчеса их ждет открытие. Они проявили, надо признать, неслыханное упорство в расследованиях. Конечно, столкнулись с трудностями. Но изыскания продолжали, добыли чудом сохранившиеся церковные записи, архивы, черновики рукописей. Чтобы не затягивать повествование, скажем, что им удалось открыть могилу. И они нашли в ней останки «деревянного» человечка. Причем один из мастерски выполненных протезов даже сохранился. И на этом протезе красовалось клеймо Карло Бестульджи. И еще вместо носа у Пиноккио была деревянная вставка.

Однако главным доказательством того, что Карло Коллоди использовал для своей сказки судьбу и внешность именно этого человека, да еще сохранил его имя, служит письмо, о котором было упомянуто в самом начале этой статьи.

Археологи начали тщательно изучать жизнь автора сказки, опрашивая всех, кто мог иметь хоть малейшее представление об этой теме, а также копаясь

в архивах. И вот какой сюрприз ожидал неутомимых в своем поиске ученых. Корреспондент местной газеты принес им письмо, в котором были такие слова: «Я потомок кузины Карло Лоренцини. В нашем роду не принято уничтожать письма, потому что мы считаем их истинной документальной историей. Сохранилась и почта, которую присылал Коллоди. Прочитав статью, я понял – то, что ученые ищут, находится у меня. Я человек пожилой, самому мне выбирать из дома трудно, а потому жду их у себя дома. Передайте им, пожалуйста, мое письмо».

И вот ценнейшее доказательство – обрывок пожелтевшей от времени бумаги: «...оя дорогая кузина, ты спрашиваешь меня о ближайших планах. В прошлом послании я сообщал тебе об этом несчастном и очень мужественном человеке – Пиноккио Санчесе. Очень хочу о нем написать. Сначала думал сотворить серьезный роман. Но почему-то начал делать сказку для детей. Почему сказку, сам не пойму. Ведь жизнь Пиноккио была трагичной, а не сказочной. Во что это в конце концов вы-

лется, не знаю. Кстати, ты обеща...».

Теперь оставалось сделать анализ бумаги и удостоверить почерк Карло Лоренцини. Анализ показал: бумага, на которой написано послание, – современница автора сказки и письмо, совершенно точно, написано его рукой. Теперь уже ни у кого не было сомнений: да, действительно, многострадальный Пиноккио Санчес и есть прототип одного из самых популярных на нашей планете литературных героев.

Больше ста лет живет интерес к Деревянному человечку. В Тоскане работает один из самых посещаемых музеев – музей Сказки. По данным ЮНЕСКО, «Приключения Пиноккио» переведены на двести сорок языков мира! Мультфильм Уолта Диснея «Пиноккио» получил целых два «Оскара». А во Флоренции – родном городе Карло Коллоди стоит памятник Пиноккио с надписью: «Бессмертному Пиноккио – благодарные читатели в возрасте от 4 до 70 лет».

Зураб Нижарадзе

БОЛЬШАЯ ВЫСТАВКА

■ Резо АДАМИА

Перевод с грузинского Камиллы Мариам Коринтэли

Выдающемуся живописцу, графику, портретисту Зурабу Нижарадзе исполнилось 90 лет. Весной нынешнего года в Тбилиси, в Национальной картинной галерее, что на проспекте Руставели, прошла персональная выставка Зураба Нижарадзе, посвященная этой знаменательной дате. Редакция «Русского клуба» поздравляет юбиляра, желает ему создать еще много шедевров и публикует, как отклик на прошедшие события, статью известного грузинского художника Резо Адамиа «Большая выставка» (в сокращении).

Живописец и график Зураб Нижарадзе – один из величайших художников современности. Цвет, ритмичная форма и легкая, как ветерок линия – все это, кажется, исходит из таинственных глубин космоса. В городах мира живут сотни художников, выдающихся и не столь выдающихся, но лишь единицы могут доставить подлинное наслаждение и радость удивительной чистотой гармонии и высоким вкусом. Я помню, как был опьянен созерцанием полотна Амедео Модильяни в красивейшем дворце в Люксембургском саду (Париж) в 2006 году. Экспозиция пред-

ставляла 75 полотен великого итальянца. Очарованный ходил я по залам персональной выставки бога живописи – Ренуара, потрясен был шедеврами Гогена. А совместная экспозиция Пикассо и Матисса в храме искусства в Гран Пале вообще забросила меня в какой-то невероятный мир. Тогда мне вспомнилась смелая фраза великого философа – «человек – это упавший бог, который помнит небо». С этим же настроением ходил я по персональной выставке Тициана в солнечном Лувре. Полная коллекция Сандро Боттичелли в Арабском дворце восхитила

меня. Высокий вкус и духовная культура шедевров остается недоступной для понимания многих. Внешние, зримые, и застенные достоинства подлинно возвышенных произведений не поддаются анализу разума, как и феномен любви, который невозможно раскрыть и проанализировать никакой мудростью. Одна из недостижимых и неопи-сываемых форм гениального искусства – таинственность художественного вкуса даже мысленно недостижимого мира. Примеры тому – Сандро Боттичелли, опять же Амедео Модильяни, Пикассо, Брак, Матисс, Ладо Гудиашвили, Хуан Миро и космический гений абстракции Кандинский. Такие же вулканические вспышки вкуса происходят и в поэзии, прозе, музыке, скульптуре, архитектуре и т.п. И как не вспомнить здесь Нико Пиросмани! А где-то там, позади возникают в памяти на-скальные рисунки, это чудо древности, произведения масте-ров, неизвестные имена которых хранит пространственная память забытых веков, космические творения древних египтян, ше-девры Древней Греции и Рима. В незримом, но неразрывном единстве со всем этим – красоч-ная, озаренная божественным светом, пронизанная энергией солнца и звезд живопись Зура-ба Нижарадзе. С любого его по-лотна льется беззвучная музыка, подобная органным симфониям Баха или концертам Моцарта и любая его работа тихо нашепты-вает строки высокой поэзии, по-добные стихам Бодлера, Галак-тиона, Гранели... Деликатный, мудрый интеллект наделен Всевышним волшебным масте-рством, любовью к прекрасному, неистребимой устремленностью к добру и свету. Мастер же пре-исполнен почтения и благодар-ности Творцу. Его шедевры без-условно станут достоянием пла-неты.

...Я неспешно проходил по залу, и вдруг мое внимание привлек портрет Отара Иоселиани, выполненный в 1978 году. Бумага. Пастель. Но разве имеет зна-чение, какой материал использу-

На открытии персональной выставки Зураба Нижарадзе

ет маэстро? Чудо происходит в его груди, в его душе и сердце. Отар Иоселиани один из самых выдающихся кинорежиссеров XX-XXI веков глядит с портрета подобно египетскому архитек-тору, строителю пирамид. И в то же время это сильный духом колхо-ибериец. В произведении – слияние двух сильнейших лич-ностей. Этого никогда не коснет-ся смерть.

Далее, следуя экспозиции, вы не можете не остановиться перед портретом выдающегося грузинского поэта и проза-ика Отара Чиладзе (1980). Какой пронизывающий и проникаю-щий вглубь взгляд! Вы видите свет внутреннего мира поэта. Художник достигает этого непо-стижимым таинством высокого мастерства. Бумага и карандаш – их возможности здесь достига-ют кульминации, и портрет при-ближается к фреске...

Портрет Мзии Бакрадзе (1967) своей легкостью и про-зрачностью, чистотой линий, столь присущей мастеру портре-та и пейзажа Зурабу Нижарад-зе, благородством, душевной и внешней красотой привлекает внимание, как и портрет Цици-

но Цицишвили, супруги маэстро, выполненный в 1958 году. Мне невольно вспомнился фрагмент из старой французской энцикло-педии, где сказано, что «кра-сивейший народ в мире – это грузины». Материал здесь, ви-димо, итальянский карандаш, и художник достигает максимума технических возможностей. От работы веет прелестью Рене-санса, тонкая красота женского лица и глубина проникновения и раскрытия внутреннего мира, как и в портрете Мзии Бакрадзе, поражают.

Очень интересен живописный портрет Отара Челидзе (1962). Фигура поэта чуть наклонена влево и вперед, что отражает его неустойчивое стремление. Колорит глубинный, в который вкрадывается тайная драма.

Прекрасен портрет Лелы Па-таридзе. Какая непосредствен-ность во всем, и взгляд чуть пе-чальный. Это живопись высоко-го класса.

А вот портрет Ладо Месхиш-вили (1978). В нем проступает некая библейская грусть и одно-временно чувствуется большая сила воли.

Портрет Маки (1984) пленяет

необыкновенно теплым колори-том, любовью, добром и чисто-той, которые излучает женское лицо.

Портрет одной из красивей-ших и талантливейших киноак-трис Лики Кавжарадзе (1978) отражает глубокую духовность.

Портрет Анны Нижарадзе (1981) – праздник добра, благо-родства, написан в изысканной гамме.

И в том же 1981 году создан великолепный портрет звезды грузинского балета, сверкав-шей на знаменитых сценах мира Нино Ананишвили. Удивитель-ное творение кисти живописца, колорит, линия, форма – все восходит к небесной гармонии. Перед этим портретом нельзя не остановиться надолго.

Но вот – Софиико Чиаурели (2000). Здесь синтез легенды, мифа и – реальности. Созерцаю изображение и в моей памяти постепенно оживают и окружают портрет образы, гениально во-площенные на сцене и на экране неподражаемой актрисой...

Вот девочка-сванка. Картина написана в 2003 году. Это уже что-то совсем новое. Колорит, гамма красок и характер – опять

«Золотой дождь»

шедевр живописи.

Вершиной вкуса и духовной культуры являются на этой поразительной, богатейшей выставке несколько ню. Удивительные композиции, выполненные в разные годы, натюрморты и графика. Теоретически объяснить вкус автора невозможно и не нужно. Это праздник возвышенной живописи, влекущий к космическим глубинам. Вот несколько ню, выполненные в разные годы. Эта светлая пространственная живопись – еще одно проявление тонкого вкуса и высокой духовности культуры автора.

Я как иконописец и глубоко верующий человек ясно вижу, что Господь вдохновляет Зураба Нижарадзе. В его произведениях угадывается непрерывный контакт с Всевышним, без чего невозможно создавать шедевры.

Интересно, что параллельно с выставкой Зураба Нижарадзе, на втором этаже Картинной галереи был выставлен один из шедевров Тициана – «Мадонна с младенцем». Мне эта экспозиция, этот несказанный эстетический праздник, который всегда ощущаешь от соприкосновения с высочайшим искусством, показалась как бы напоминанием того, что планета без таких гениев невероятно оскудела бы. Зу-

Эскиз театрального занавеса

раб Нижарадзе своим светлым творчеством не только радует, но и учит многому. Лично я благодарен ему за все то, чему научился у него.

Медленно перехожу в другой зал. И вдруг вижу – в отдалении сидит в кресле госпожа Цицино Цицишвили и созерцает экспозицию со слезами на глазах. Кто знает, какие воспоминания всплывают перед ее глазами, ведь ей известна биография каждой картины. Выставка закрывалась в тот день. Я автор множества персональных выставок и хорошо знаю, какие

грустные мысли и настроения присущи этому дню. Пять моих персональных выставок прошли в Париже, открытие выставки – это день твоего рождения и рождения картин, а день закрытия подобен закату солнца и окутан грустью. Вероятно, подобные чувства испытывала и госпожа Цицино.

Я тихо прошел в соседний зал, не потревожив ее.

Зураб Нижарадзе создает свои картины благодаря собственному богатейшему духовному миру и искре Божией, которая освещает каждую его работу. Он борется с проблемой цвета, в общем-то неразрешимой, поскольку пространство полно

индивидуальным цветом и колоритом, они не помечены никак и выбор зависит от индивидуума и его духовности.

Подлинное искусство – это стремление к солнцу.

Гоген учит: «Прочь от природы», однако ни одно направление искусства не проповедует полного отрыва от природы. Корни любого модернистского направления питает природа и космос. Из ничего ничего не создашь. Каждое великое произведение приходит из пространства и обретает плоть на плодотворной земной почве. Зураб

В мастерской З. Нижарадзе

Нижарадзе может разорвать звездные формы, но он мастер Божественного уравновешенного вкуса. Свой цвет он обрел неустанным трудом и мудро подчинил его линии форме, ритму, гармонии, и так родилась его пластика. Большое искусство сложно и непостижимо, не каждый проникнет в его глубины.

Так, например, цвет, колорит и его внутренняя органичность, духовность или солнечная пластика неопределенны. Бесконечность мира – это ведь полный мрак. Эта невероятная беспредельность имеет свой сильнейший цвет и колорит со своим неопределенным, неясным приглушенным регистром...

Удивительный гений в созданном линией рисунке приобретает нас форме, цвету и феноменальной таинственности. Например – Микеланджело, Леонардо, Рафаэль, Энгр, Матисс, Модильяни или японская графика, персидские и грузинские миниатюры.

Все рассмотренное выше, образы и пространство – в таинственной живописи Зураба Нижарадзе.

Для каждого из нас одним из

счастливейших моментов является тот отрезок времени, когда стоишь в молчаливом уединении перед шедевром-портретом либо пейзажем, погружаешься в его идеальные глубины, и созерцание и постижение его возносит тебя на вершины духовного наслаждения. Ты не разбираешь, не критикуешь созерцаемое, ибо оно уже недосыгаемое, а расставание с ним – душевная драма, и шедевр навсегда остается в твоей памяти. Такого зрителя, посетителя выставки я высоко ценю и приветствую невидимую магическую силу каждого большого художника.

Ни один большой маэстро не прочертит ни малейшую линию на своей картине под влиянием работы другого художника, потому что его обуревают образы собственного художественного воображения и пространственные послы, и он твердой рукой создает свои неповторимые работы.

Зураб Нижарадзе в совершенстве владеет искусством цвета, ему не надо думать и размышлять о цвете, и это дар Божий. Он создает удивительные

формы на уровне гениального французского скульптора Аристиды Майоля. Если подолгу смотреть на картины, перед глазами возникнет фантастическое видение, словно вы сидите в самолете и в иллюминаторе перед вами расстилаются красивейшие кадры – синее небо с красочными облаками, а потом снова возвращается к великолепным картинам реальной экспозиции. Когда присматриваешься к некоторым живописным работам, особенно к женским фигурам, они воспринимаются как зов неких волшебных рельефных форм из глубин бесконечности, творения как бы выплывают издалека. В таких работах цвет, форма и бессмертный дух Божий обретают согласие.

Зураб Нижарадзе своим светлым творчеством не только радует, но и учит многому. Лично я глубоко благодарен ему за все то, чему научился у него!

Спасибо Господу и долгие лета маэстро!

ОСОБЕННАЯ РАБОТА

■ Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

В Бакуриани в лагере «Память сердца», организованном Координационным советом организаций российских соотечественников Грузии при поддержке Секции интересов РФ Посольства Швейцарии в Грузии, отдохнули 27 подростков из разных уголков Грузии. Программа была насыщенной и занимательной: лекции-тренинги по праву, занятия по актерскому мастерству, просмотры художественных и документальных фильмов, экскурсии. От лица родителей приношу благодарность организаторам. А ниже делюсь своими впечатлениями...

У каждой мамы наступает день, когда она должна признаться, что дети выросли и их надо отпускать, для начала хотя бы в лагерь. Десять дней без мамы, папы, брата, бабушки с абсолютно незнакомыми людьми – да, для моего сына это будет испытанием. Дней за десять до отправки мы (мама и папа) начали его готовить к отъезду – это так здорово, там у тебя появляются новые знакомые, новые друзья... А в ответ: «А для чего мне это нужно, чем я вам не угодил? Мне и дома хорошо...». И так каждый день до отъезда.

Воскресенье. В 10 утра надо

быть на месте сбора. Все домашние в движении, мама в особенности – все ли сложила в чемодан. А в это время братья между собой обсуждают тему дня: «Вот меня мама выгоняет из дома...», – старший (который едет). Младший: «А почему?» – «Не знаю, но не радуйся, тебя тоже выгонит... года через два». На такой вот праздничной ноте собрались, вышли, доехали до площади Республики. Встретились с группой и руководителями. Посадили в маршрутку и отправили...

Прошлись по пр. Руставели. Младший все никак не мог уговориться, выяснял причины такого «несправедливого» отношения к старшему брату.

Мама в переживаниях, все хочет позвонить, но начинает очередную уборку, чтобы убить время ожидания. Вот уже 4 часа, доехали до Бакуриани. Звонок сыну: «Ну как дорога? Все хорошо? Познакомился с кем-нибудь?» – «Доехали. И что я здесь должен быть 10 дней?!» – «Все будет хорошо, я позвоню позже, целую». Звонок вечером: «Как дела?» – «У нас очень хороший гостиничный номер, но мне сейчас некогда, нас ждут внизу...»

День второй. Утро. «Привет! Как спалось?» – «Нормально, и

что я должен здесь быть 8 дней?! У нас в 9.30 зарядка была... Мне некогда, позже позвоню...». В течение дня звонки сбрасывал, вечером попросил зачислить деньги на телефон, сам, мол, буду звонить.

День третий. «Привет! Как дела?» – «Все нормально, дай папе трубку». Вот и начались мужские разговоры... А мама сама по себе. Но одно радует – домой не просится, значит, все хорошо.

День четвертый. Полный восторг. О доме ни слова. Был просмотр фильма и обсуждение. Вечером караоке.

И мама понимает – он впился, не скучает. Можно не надоедать звонками, сам позвонит. День пятый. Подключили интернет. Получаем смайлики и фото Боржомского ущелья (были на экскурсии).

Оставшиеся четыре дня были очень интересными: «Мы здесь играли «Что? Где? Когда?», представляешь?!», «Ма, вечером будет дискотека, оно мне надо?» (оказалось, надо – его первая дискотека, которая понравилась), «А я грамоту получил...» и т.д.

День десятый. С утра у мамы уборка, готовка («Что тебе приготовить?» – «Не знаю, здесь пирожки были, печеное разное»). Звонок: «Ма, а ты где? Я уже приехал!» – «Здесь я, здесь!»

Особенная работа – быть мамой.

ПОСЛЕ КАЗНИ ЖАННЫ Д'АРК

Действующие лица:

Монашка

Юноша

«Жанна Д'арк»

Голос режиссера

Франция. Площадь, посреди которой горит огромный костер, поглотивший Жанну Д'арк. Народ уже разошелся. Неподалеку от костра Монашка и Юноша.

Монашка: Вы влюблены в нее?

Юноша: Я любил ее всем сердцем!

Монашка: Я заметила вас в толпе, ваши глаза рассказали обо всем. Вы знали ее?

Юноша: Только издали, сестра. Слышал о ее славных делах, знаю, как она говорила с инквизиторами... (Плачет).

Монашка (подходит ближе): Не плачьте, она была недостижима для вас, и не только для вас. Она была святой!

Юноша (радостно): Вы верите в это?!

Монашка: О да! Она говорила со святыми, и слышала голоса ангелов. Она действовала только по их указаниям.

Юноша: Сестра!!

МИНИАТЮРЫ

■ Дмитрий ДЕВДАРИАНИ

Культуролог, актер и режиссер Дмитрий Девдариани с 2002 года живет и работает в Лондоне. За это время он поставил свыше 50 спектаклей, среди которых первая театральная постановка «Соляриса» Станислава Лема на английском языке, «Антигона» Софокла, «Дядя Ваня» и «Антон Павлович шутит» (по одноактным пьесам А.П. Чехова), «Бегущая по волнам» и «Искатель приключений» А. Грина, последняя в переводе Девдариани на английский при поддержке Музея А. Грина в Феодосии, мюзиклы и многое другое. А началось все с постановки им пьесы Станислава Лема «Окно» силами молодежной труппы театра им. А. Грибоедова, созданной Л. Джаши в середине 90-х. В 2001 году в Театральном подвале на пр. Руставели с успехом прошла его пьеса о Ван Гоге «Ухо».

Д. Девдариани снимается в фильмах, играет на сцене, пишет стихи, рисует, преподает актерское мастерство в Академии «Музыка Нова». Из последних его наград можно назвать Приз за лучший театральный спектакль («Женитьба» Гоголя) фестиваля искусств «Центральная Азия», Лондон, март-апрель 2017 г., а также II место в контексте рисунка на фестивале «Звезды Альбиона» (февраль 2018 г.).

Публикуемые пьесы написаны автором в возрасте 22 лет.

Монашка: Умоляю вас, тише! Нас могут услышать.

Юноша: Никого нет. Даже палачи оставили этот костер... Боже, бедняжка! (Снова слезы). Ее боль была невыносимой. Она так кричала! А жадный огонь...

Монашка: Огонь лишь слепая стихия. Она вознеслась.

Юноша (с надеждой): Вознеслась?

Монашка: Она теперь беседует с ангелами.

Юноша: Но только что она была земной, страдающей женщиной, ее можно было обнять! Под мужской одеждой скрывалась удивительная, неповторимая женщина, самая женственная из всех! (Делает шаг по направлению к костру).

Монашка (хватает его сзади за плечи): Не надо! Ее уже не вернуть, Жанна далеко от нас...

Юноша: Спасибо за то, что остались здесь со мной, сестра. Со мной и с Жанной Д'Арк.

Монашка: Ваши глаза рассказали о многом. Давайте молиться. Бог услышит нас! (Становится на колени).

Юноша (полусшепотом): А что дальше?

Монашка (тоже тихо): Не помню.

Неожиданно из костра высовывается голова «Жанны».

«**Жанна**»: Сколько я могу здесь гореть и ждать, пока вы поймете, что несете отсебятину?! Эти красные ленты так и хлещут меня по лицу!

(Костер сразу же «опадает», это уже не пламя, а причудливое бутафорское сооружение).

Юноша (пытается что-то возразить): Но...

«**Жанна**»: Никаких «но»! (С иронией): А вы что молчите, господин режиссер?

Режиссер (из зала): В этом было что-то...

«**Жанна**» (сошла на сцену): Интересно, что же? (Монашке) Вам, дорогая моя, необходимо срочно похудеть, иначе на премьеры вы провалите сцену. Вы ходите, как корова! (Юноше) А вы, Лука, если вы думаете, что вам светит ампула героя-лю-

бовника, очень заблуждаетесь. У вас ужасная внешность и нет ни капли таланта! Да, и выучите текст, господи! С меня довольно, я пошла в гримерную! (Быстро уходит. Ее походка говорит о последней степени раздражения).

Юноша (настолько вышел из себя, что его шепот слишком хорошо слышен. Он совсем забылся): Ненавижу премьерш!!!

Монашка (отвечает ему взглядом, полным ужаса).

Голос режиссера (свирепо): Эй, что вы там сказали о моей жене?!

Лука покорно снимает костюм и остается в белой рубашке. Он уныло плетется за кулисы. Занавес медленно закрывается.

Конец

НИТЬ

Действующие лица:

Джакомо и Антонио – братья

На сцене серый половик. Задник изображает старинный город. Посередине сцены стоит Джакомо, он крепко держит в руке конец тонкой, едва заметной нити, она ведет куда-то за кулисы. Входит Антонио и пристально рассматривает его.

Антонио: Чем это ты занимаешься, братец? (Молчание). Ну, ответь мне! (Молчание). Повесись на этой тонкой ниточке ты не сможешь. Мне сказали, что ты стоишь здесь с этой ниткой! (Смеется). Спятил с горя?

Венеция

Джакомо (неприятно): Я занят.

Антонио: Чем это?

Джакомо: Я должен здесь быть.

Антонио: В конце концов, она может принадлежать нам двоим. Джакомо (двинулся в порыве ярости, но тут же вспомнил о нити и застыл на месте): Ты грязный подонок!

Антонио: Что же ты остановился? Почему ты не убил меня, когда застал нас с Джинной? Ты говорил когда-то, что...

Джакомо (закрыв глаза, стиснув зубы): Что не прошу ей измены, что убью ее, если, что я... Что она для меня единственная... (кричит). Я считал ее святой!

Антонио: Но как ты убедился, она далеко не святая, женщины вообще бывают святыми только в книгах.

Джакомо: Замолчи!

Антонио: Заставь меня замолчать! Мне нравится мучать тебя, ты знаешь. Я всегда был удачливее, чем ты, я презираю тебя.

Джакомо: Что ты делаешь, Антонио?

Антонио: Ты сам виноват, Джина слишком молода для тебя. Ты все время работаешь, а малютка Коррадо все равно не ест досыта.

Джакомо: Антонио, у меня есть власть над тобой.

Антонио (смеется): Нет, у тебя нет ничего, даже семьи.

Знаешь, такой женщине, как Джина, нужно внимание, ласка, а ты, мой старший брат, стареешь. Хорошо, что малютка Коррадо пошел погулять, но ты вернулся слишком рано. Тебя терзали сомнения?

Джакомо: Нет, я даже не мог подумать!

Антонио: Может быть, это было не в первый раз.

Джакомо: Ты наслаждаешься тем, что разрываешь мое сердце на мелкие клочки. Если бы я мог, если бы я только мог пошевелиться!

Антонио: Тебя удерживает эта нить? Послушай, ты так посмотрел на меня и свою жену, что я приготовился к смерти, но ты убежал. Тогда я подумал, что твоё тело найдут в море, но ты стоишь здесь.

Джакомо: Я бы пролил много крови, если бы не должен был держать... Так хотел ангел. В тот момент я услышал его голос.

Антонио (смеется): Ангел?! Ты точно спятил. Я пришел предложить тебе...

Джакомо (Как замороженный, не слушая его): Да-да, я услышал голос ангела-хранителя... Он сказал: «Иди на окраину, там я дам тебе нить, которая спасет город. Только твои руки способны удержать его на плаву. Я дам тебе нить, и ты будешь держать всю Венецию до конца своих дней. В этом твоё предназначение». У меня есть сила.

Антонио: Сила?! Сумасшедший! Ты хочешь сказать, что удерживаешь всю Венецию? Ты думаешь, что эта тоненькая ниточка...? (хохочет) Зачем ты рассказываешь про ангела мне?

Джакомо: Я повторяю для себя, чтобы не забыть. У меня есть сила.

Антонио: Послушай, мы действительно могли бы поделить Джину. Она согласна.

Джакомо: Согласна?!

Антонио: Да, да, ничего не имеет против.

Джакомо: Мне... мне очень хочется отпустить нить...

Антонио (насмешливо): А как же люди, Венеция, ангел? А как же Коррадо?

Джакомо (холодно): Это ее ребенок. (Отпускает нить).

Город на заднике постепенно уступает место зеленоватому небу. Шум падающей воды. Антонио мечется по сцене.

Антонио: Это правда? (Подбегает к Джакомо, кричит) Неужели это правда? (Трясет его за плечи) Сделай, сделай что-нибудь! (Становится на колени). Земля уходит из-под ног! (У Джакомо абсолютно непроницаемое лицо). А Коррадо, а Джина! (Вскакивает). Джина! Джина!

Джакомо (страшно улыбаясь): Мы погружаемся.

Конец

АЙСЕДОРА!

Пьеса-диалог

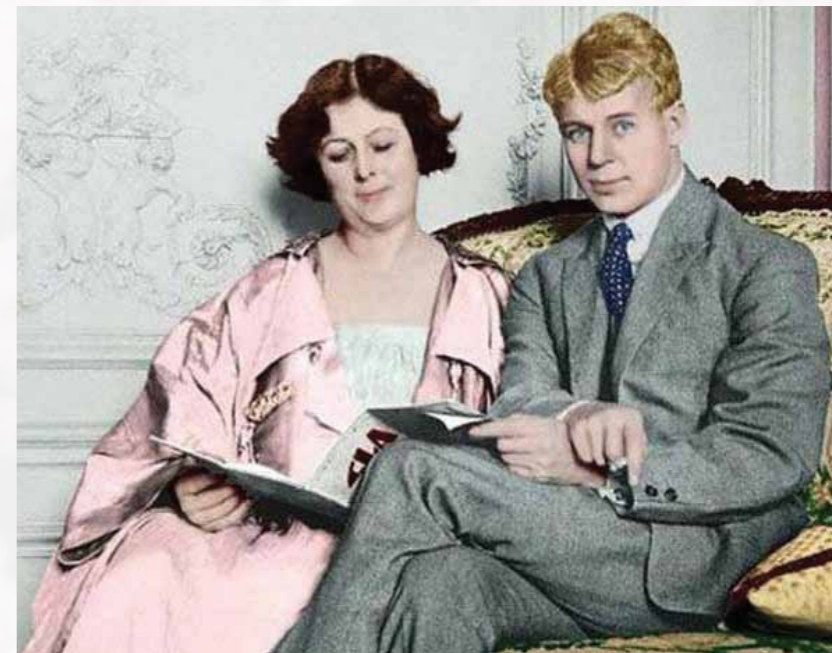
Действующие лица:

Айседора Дункан

Ее шарф

Сцена – это серая лента дологи, уходящая вдаль. Ее перечеркивает тело знаменитой танцовщицы Айседоры Дункан, вокруг ее шеи обвит длинный полупрозрачный шарф. Ее глаза закрыты, но это не смерть, а глубокий сон. Вдруг шарф, словно ожив, плавно освободил ее шею и уполз. Айседора проснулась и проводила эту «змею» взглядом, полным ужаса.

Айседора Дункан и Сергей Есенин

Айседора: Белая змея!

Шарф (вернувшись): Я не змея!

Айседора: О, боже! (Отскакивает).

Шарф: Какая замечательная пластика!

Айседора (сжавшись): Что это?

Шарф: Смерть, Айседора. Всего лишь смерть.

Айседора: Смерть?!

Шарф: Да. Ты считала себя бессмертной? Впрочем, в отличие от многих ты бессмертна.

Айседора (выпрямившись и трагически опустив веки): Я иду к славе...

Шарф: Ты пришла.

Айседора: Ты и есть моя слава?!

Шарф: Может быть.

Айседора (садится рядом): Я представляла ее другой. (Поглаживает шарф).

Шарф: Ты ушла так оригинально, что человечество будет помнить не только твою жизнь, но и твою смерть, и это благодаря мне!

Айседора (отпрянула, словно обжегшись): Я так любила шарфы! (Хватается за шею) Как больно, как больно! (Шарфу) Жестокий!

Шарф: Иначе не могло быть. Айседора. Я только орудие в руках...

Айседора: В чьих руках?

этот свет?

Шарф: Это пылает твоя душа, Айседора.

Айседора: Конечно, это она научила меня танцевать. Моя душа соткана из огня.

Шарф: Теперь это пламя свободно...

(«Босоножки» исчезают).

Айседора: Почему их не стало?

Шарф: Потому что нет тебя.

Айседора: Меня нет?! (Растерянно). А как же ты, мой невысказанный собеседник, ты, оживший кусок прозрачной ткани?

Шарф: Я держал в своих нежных объятиях твою прекрасную, лебединую шею. Я так давно мечтал об этом. Я скучал по тебе, Айседора!

Айседора: Скучал по мне? Это не смерть, а сон.

Шарф: Возможно, но я был так счастлив снова почувствовать тебя. Ты писала, что тебя так потрясло то, что сделал я, что ты поступишь так же, но ты

хотела войти в море. Но... меня убили, Айседора.

Айседора: Убили?! Чей это голос? (Шарф превращается в молодого мужчину). Сергей! (Она порывисто обнимает его). Неужели это ты, Сергей? Откуда? Убили? Ты говоришь, что тебя убили? Значит... кто? Боже, Сергей!

Сергей: Они надругались надо мной, они повесили мое

тело, они так ненавидели меня, Айседора, они... (Прижимается к ней).

Айседора: Твоя родина – монстр, гигантский эшафот для поэтов, художников, литераторов... Россия, Россия, безумная, непредсказуемая! Где мы, Сергей? Ты говорил правду, это действительно смерть?

Сергей: Да, дорогая моя. Я так рад.

Айседора: Умереть?

Сергей: Умереть вместе с тобой.

Айседора: Ты мог написать прекрасные стихи.

Сергей: Я могу и сейчас.

Айседора: Нет. Здесь тебе помешает дыхание вечности. Оно затуманит образы, спутает рифмы... Зачем ты сделал это?

Сергей: Айседора... тебя будут помнить всегда.

Айседора: Я ушла слишком рано. Зачем ты сделал это?

Сергей: Мы были так далеко друг от друга, а теперь... Я наконец снова обнял тебя и привел сюда. Теперь ты со мной.

Айседора: Зачем?

Сергей: Мы должны были быть рядом, Айседора.

Айседора: Моя жизнь – танец. Как ты мог, Сергей, как ты...

Сергей: Моя душа стала прозрачным шарфом, и...

Айседора (пытается драться с ним, ожесточенно действует тонкими руками): Убийца, убийца! (Вдруг обнаруживает в своих руках обрывки тонкого прозрачного шарфа). Сергей?! Что это, что это?! Ведь это был ты... Поговори со мной, не молчи!.. Я убила тебя, растерзала твою странную, прозрачную душу! Почему ничего нельзя исправить? Сергей!.. (Прикладывает к лицу кусочек шарфа, неожиданно успокоившись. Задумчиво, убаюкивающим тоном). Мы идем к славе, мы идем к славе, к славе... (Она покачивается в полусонном, почти сомнамбулическом состоянии, шепча что-то уже неслышное, пока круг света, озаряющий ее, не гаснет совсем).

Конец

(Молчание).

В чьих руках?

(Молчание).

В чьих руках?

Шарф (Страх в голосе): Не знаю.

Айседора: Кого ты так боишься? Это называют провидением, судьбой, это...

Шарф: Самое безжалостное, что существует на свете. Мне очень жаль.

Айседора: Как не вовремя эта смерть. Я хочу танцевать, танцевать, танцевать!

Шарф: Смерть это тоже танец. Танцуй.

Айседора (с надеждой): Можно?

Шарф: Танцуй, Айседора!

(На сцене неожиданно появляются босоножки, спиной к публике. Сбоку на их застывшие фигуры падает красный свет).

Айседора (босоножкам): Не совсем то движение. Посмотрите, это делается по-другому. (Хочет показать, но что-то мешает ей). Нет, я чувствую дыхание вечности. Я не могу... Откуда

SINCE 1884

SARAJISHVILI

სარაჯიშვილი

სანქტ-პეტერბურგის
კულტურის კომიტეტი
КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

სანქტ-პეტერბურგის დღეები თბილისში

ДНИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ТБИЛИСИ

10 ნოემბერი | 19:00
ноября

დონ კიხოტი

ბალეტი სამ მოქმედებად

Дон Кихот

БАЛЕТ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ლენინდ იაკობსონის სახელობის
სანქტ-პეტერბურგის სახელმწიფო
აკადემიური ბალეტის თეატრი

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР БАЛЕТА
ИМЕНИ ЛЕОНИДА ЯКОБСОНА

მუსიკა - ლუდვიგ მინკუსი
МУЗЫКА ЛЮДВИГА МИНКУСА

ლიბრეტო - მარიუს პეტიპა
ЛИБРЕТТО МАРИУСА ПЕТИПА

დადგმა და ქორეოგრაფია - იოჰან კობბორგი
ПОСТАНОВКА И ХОРЕОГРАФИЯ ЙОХАНА КОББОРГА

მარიუს პეტიპას სპექტაკლის მიხედვით
ПО МОТИВАМ СПЕКТАКЛЯ МАРИУСА ПЕТИПА

დამდგმელი მხატვარი - ჟერომ ვაპლანი
ХУДОЖНИК-ПОСТАНОВЩИК ЖЕРОМ КАПЛАН

სასცენო განათება - ვენსან მილლე
ХУДОЖНИК ПО СВЕТУ ВЕНСАН МИЛЛЕ

ა. გრიბოედოვის სახელობის თბილისის სახელმწიფო
რუსული დრამატული თეატრის სცენაზე

НА СЦЕНЕ ТБИЛИССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО
РУССКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ А. С. ГРИБОЕДОВА

ბილეთების შეძენა და დაჯავშვნა: (032) 2 931 106 | (032) 2 93 43 36
ЗАКАЗ И ПРИОБРЕТЕНИЕ БИЛЕТОВ:

biletebi.ge